

ЗАРУБЕЖЬЕ

Познаете Истину
и Истина сделает
вас свободными.
Еванг. от Иоанна.

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ

№ 2 (22)

ИЮНЬ 1969

МЮНХЕН

В. ВЕЙДЛЕ

Возвращение на родину*

Пора вернуться в Россию. Не нам, а России: детям и внукам всех тех, с кем мы расстались, когда мы расстались с ней. Пора им зажечь в обновленной, но все же в той самой стране, где мы некогда жили, в России-Европе, в России, чья родина — Европа. Из нерусского, мирового по замыслу, но Европе враждебного СССР, пора им вернуться в Россию и тем самым в Европу; пора вернуться на родину. Они и сами это знают, с каждым годом все лучше, без нашего совета. Возвращение уже началось. Когда оно завершится, пусть не будет нас больше в живых, вернемся и мы в Россию, вернутся все те, кто умер вдали от нее, сохранив ей верность, сохранив верность России-Европе, в те годы, когда безымянная страна, занявшая ее место, отреклась от нее, отреклась от России и от Европы. Это возвращение тоже началось. Другого и быть не может для тех, кому перестала быть родиной страна, отрекшаяся от собственной родины.

✱

Хотячее западное противопоставление Запада Востоку коренится в политике и прежде всего запутывает ее же, подсказывая мысль, что есть единый Восток и единый Запад и что мир между ними разделен; но не одной политике оно вредит и питается скверною привычкой, с нынешним положением вещей не имеющей ничего общего. В Париже издавна существует Институт Восточных Языков, где преподают, среди других, и ново-греческий, и все славянские языки. Нечего и говорить, что в старой России, на факультетах восточных языков, эти языки не преподавались. Досоветская Россия, в государственном сознании своем, славян и греков восточными народами не считала, себя к Востоку не причисляла. Несмотря на свои огромные азиатские владения, она сознавала себя Европой. Географически, разумеется, относилась она к восточной Европе, но «восточная Европа» это ведь всего лишь восточная часть Запада, потому что европейский мир, включающий в себя и всю Америку с Австралией, это и есть западный мир, короче говоря, «Запад». Новая, отрекшаяся от своего имени Россия — в европейской своей части, да и вся целиком, раз столица ее находится на запад от Урала — точно также, логически рассуждая, не имеет никакого основания считать себя Востоком, тем более, что и антихристианская (и тем самым, исторически антиевропейская) идеология, отторгнувшая ее от Запада, отнюдь не восточного происхождения. Но политика, сперва внушавшаяся этой идеологией, а теперь использующая ее, о логике не заботится. Приверженцы этой политики одной из главных своих задач считают овладение Востоком (на пути к овладению всем миром), и им представляется выгодным, чтобы страна, подвластная им и дающая основу для расширения их власти, слыла уже сейчас (пусть лишь до поры до времени) Востоком, представляла, возглавляла бы Восток. Политика эта встречает непредвиденные (оттого что вскормленные самой что ни на есть «нашей» и

«родной» идеологией) затруднения; но ведь недаром «Востоком» был назван и тот сверхвоздушный корабль, на котором русский звездоплавец совершил свой первый, вызвавший всемирные восторги, ракетно-ядерный полет.

Называли Россию — в самой России — Востоком и прежде; но не ее государи или их министры, а интеллигенты наши обоих толков, как западнического, так и славянофильского. Владимир Соловьев и тот ее вопрошал: «Какими ты хочешь быть Востоком, Востоком Ксеркса или Христа». забывая как будто, что могла она ему ответить: не хочу быть Востоком Ксеркса, как и не хочу быть Западом Торквемады, религиозных войн или гильотины, водруженной на Площади Согласия; но помню, что христианство получила я, как и Запад, не столько даже и с Востока, сколько с Юга, и что оно-то меня с Западом и роднит; и, вместе с ним, нехристианскому Востоку противопоставляет; вам же, Владимир Сергеевич, вовсе и не следовало бы называть меня Востоком, ведь хорошо вам известно, сколь многие зовут меня так на Западе, считая меня. при этом Востоком именно Ксеркса, а вовсе не Христа.

Права была бы Россия, если бы так ответила Соловьеву, но в конце концов не так уж важно было нам, русским, не так уж важно наследникам нашим в Советском Союзе, считают ли на Западе нашу и их страну Востоком или нет. Гораздо важнее, чем мы сами, вчерашние или нынешние, ее считаем. Если Востоком, то это значит, что мы порываем с собственным прошлым, зачеркиваем и лишаем смысла свою историю. Восток и Запад — не географические, а исторические понятия. Важно не то, что Россия — восточная Европа, которую позволительно, внутри Европы, противопоставлять Европе западной. Важно, что она — Европа. Важно, что русский народ принадлежит к семье европейских народов и русский язык к семье европейских языков. Для истории Восток это Азия. Азия создала великие культуры, но русская не их отпрыск, а отпрыск культуры европейской, вне которой она непонятна, исторически немыслима. Противопоставлять Россию Западу, прикреплять ее к Востоку, это значит искоренять ее из Европы и тем самым отрекаться не только от наследия Пушкина и Петра, но и от всего ее тысячелетнего христианско-европейского прошлого. Лицемерная хвала этому прошлому может воздаваться и при полном затемнении подлинного его смысла, но предначертанная им преемственная связь, уже ослабленная, уже во многом разорванная, окончательно оборвалась бы, если бы удалось оторвать Россию от Запада, отсечь восточную Европу от остальной Европы. Пусть те, кто распоряжается ныне судьбами России, считают именование ее Востоком, противопоставление ее Западу, уместным и для их целей полезным; оно от этого не перестанет противоречить разуму и совести.

Порой до чего-то близкого этому договаривались и в былое время, но лишь в нашем веке наметилось соответствие дел этим на ветер брошенным словам. В 1918 году Блок писал:

Да, скифы мы! Да, азиаты мы —
С раскосыми и жадными очами...

*) Сборник. *Безымянная страна*. Париж, издат. YMCA-Press, 1968, 166 стр.

и пророчил о том, что Россия обернется к Западу «своею азиатской рожей». Риторика этих стихов, что и говорить, даже поэтически была выразительна; но если бы провозглашающие Россию Востоком пожелали принять их всерьез, а то и, чего доброго, извлечь из них политическую программу и тем самым пророчество их выполнить, то у их подданных достаточно будет, нужно надеяться, здравого смысла, чтобы сказать, — если мужества хватит, то и вслух — примерно следующее:

О скифах давно бы все забыли, не опиши их Геродот, и не будь их искусства, греческого, хоть и не по духу, но по выучке и совершенству, с которым, однако, даже и древнее наше искусство ничего не имело общего. Певец их знал о них не много, и надеялся был фамилией не скифской, а немецкой, что не помешало ему быть русским поэтом, не отличавшимся, кстати, ни жадностью взора, ни раскосыми глазами. Неизвестно, к тому же, почему надо обзывать рожами азиатские лица и считать, что раскосые глаза непременно должны быть жадными. А главное, зачем же России обращаться не лицом, а рожей, пусть и не азиатской, к кому бы то ни было, и тем более к Западу, к европейскому миру, вне связи с которым не было бы у нее ничего — ни литературы, ни мысли, ни музыки, ничего, чем она веками жила и еще живет. Не было бы и Блока...

Он тогда же писал в дневнике об Англии и Франции, недовольных брестским миром и собиравшихся было «погубить революцию», что они вследствие таких замыслов «уже не арийцы больше» (подчеркнуто Блоком). Вот, мол, откроем ворота и «на вас прольется Восток. Ваши шкуры пойдут на китайские тамбурины». — Поэты бывают пророками, даже когда беснуются. Насчет арийцев постарался Гитлер. Шкуры, даже и со своих «партийных», Сталин посдирает. Что же до китайских тамбуринов, то они как раз теперь звенят и напоминают России, что она — не Азия. Да и самой Азии в наше время все трудней становится жить своим азиатским наследием. Мы им во всяком случае жить не можем. Лишь вернувшись в Европу мы вернемся на родину, и Россия станет вновь Россией только сделавшись снова европейской страной.

✱

Из Европы она ни в какие времена полностью не выпадала. Духовная жизнь ее выросла на основе христианства, преподаваемого ей Византией, наследницей Греции и наследницей римской империи. Преемственность эта и после татар не оборвалась, а с Западом, в до-татарские два века, наша древняя Русь была гораздо теснее связана, чем Византия. Новгород и Псков эту связь сохраняли до утраты независимости, а с Ивана III-го она стала намечаться и в Москве. Для ощущения единства христианско-европейского мира, отличавшего киевскую Русь, но не исчезнувшего и в московской, при всем ее недоверии к «латинству», характерно, что русская Церковь, в противоположность византийской, сочла и никогда не перестала считать своим праздником «Перенесение мощей иже во святых отца нашего Николая Чудотворца из Миры во град Бари», хотя доставили их туда западные военно-торговые люди, завладевшие ими не без вероломства и насилия. Отчуждения Московии от Запада преуменьшать ни в коем случае нельзя: за него то мы, по всей вероятности, Революцией с большой, с преобладающей буквы, и вызванным ею новым отчуждением в конечном итоге и заплатили. Но непроницаемой преграды между нами и Западом старо-московское то отчуждение все же не воздвигло, с Азией нас сколько-нибудь решающим образом не сблизило и задолго до Петра начало заметно ослабевать. Когда ему не было еще и двенадцати лет, в октябре 1683 года, во всех московских церквях служили благодарственные молебны по случаю освобождения Вены от турецкой осады: басурманской столицей та раскольничья, стрелецкая, избяная Белокаменная все же не была.

Когда Петр, подросток, растолкал, взбудоражил ее, осрамил и развенчал, когда он всю страну «вздернул на

дыбы» и выстегал заморский плетью, многое так и осталось поруганным и оскверненным, но переворот был все-таки *направлен* верно, окно прорублено на Запад, а не на Восток. Доказательством этому служат все дальнейшие двести лет, и прежде всего тот необыкновенно бодрый и быстрый рост государственной, хозяйственной и социально-духовной жизни, которым было отмечено время от Ломоносова до Пушкина. Кто же нас воспитывал тогда, если не Запад? И воспитание это было нам нужно. Без него мы бы не стали тем, чем мы стали благодаря нему.

В до-петровской Руси не было общепринятого, т.е. соответствующего языковым навыкам образованного общества литературного языка (потому что не было и самого этого общества). При Петре язык был засорен хаотической массой заимствований из голландского, немецкого, английского, французского языков; но уже через два или три поколения заимствования эти были отброшены или усвоены, было найдено равновесие между русскими и церковно-славянскими элементами книжной речи, и через сто лет после смерти Петра у России был обще-литературный язык, уже не намного менее гибкий и богатый, чем у англичан или французов. Их литературы, как и другие, влились в нашу, оттого что сделались впервые переводимыми на наш язык. И точно также впервые было выработано стихосложение, родственное немецкому и английскому, и в отличие от прежнего, вполне отвечавшее особенностям русского языка. Только что сложившись, оно уже послужило Державину, поэту обще-европейского масштаба, а затем Пушкину, после чего применение этого масштаба к нашей литературе полностью узаконилось: она стала равноправной составной частью европейской литературы. То же можно сказать о музыке, архитектуре, изобразительном искусстве. Вся работа мысли и воображения перестроилась у нас на западный лад, обрела новую основу, созданную Западом. Старая, византийско-киевско-московская основа не исчезла, не могла исчезнуть, но первенствующее значение сохранила лишь на большой глубине: в мысли и чувстве, питаемых религией, а также в религиозно-бытовом укладе народной жизни. В языке она отошла на второй план — вернее, легла на дно — как и в литературе, поскольку писатель не делал того душевного слоя или того быта, что ею определялись, предметом своего изображения. В музыке, живописи, архитектуре от нее остались — на поверхности их — лишь совсем слабые ее следы. Если придавать слову «язык» самый широкий смысл, обозначая им все средства выражения и общения, доступные человеку, можно сказать, что уже со времени Ломоносова и тем более начиная с Карамзина, Жуковского, Пушкина, Глинки, Захарова, Востокова, Сперанского, Россия заговорила на языке, которому научил ее Запад. Сближаясь с Западом, она европеизировалась, что в данном случае значит: возвращалась в семью родственных ей европейских народов.

Долго была она с этой семьей разлучена, но другой не обзавелась: этому помешал греко-христианский стержень ее духовной жизни. Европейское будущее было ей предначертано самым давним прошлым. Вот почему так грубо ошибаются западные историки, приравнивающие этот ее возврат к европеизации Индии или Японии. Эти страны сохраняют своеобразие вопреки европеизации и ровно в той мере, в какой она не завершена; Россия, заложенное в ней своеобразие, только вернувшись в Европу и смогла полностью осуществить. Она стала, конечно, более похожей на западные страны, чем была до того, но это сходство не уничтожило несходства, а сочеталось с ним и привело к цветению, которое вне такого сочетания было бы немислимо. Ущерб ей был нанесен только грубостью петровской хирургии, слишком резким отсечением старого от нового, приведшим к чрезмерному разладу между тем, чем продолжало жить крестьянство, и тем, к чему устремлялось дворянство, а потом интеллигенция. Славянофилы оценили это правильно, не поняв только, что разлад, при всей трагичности — или как раз в силу ее — был и творчески плодотворен; потому, вероятно, что совсем не-

примиримого разлада между двумя христианско-европейскими наследиями не могло и быть. Зато позднейший славянофильский национализм впал в явное заблуждение, противопоставляя «самобытность» европеизму, как будто она не могла быть внутри- европейской, как будто Европа вся сплошь не состояла из враждующих и все же объединенных в ней, самобытных, несходных между собой и все же неотъемлемых одна от другой наций. Единство Европы не отделимо от ее множественности, — национальной прежде всего, но и еще более дробной, сказывающейся и внутри отдельных наций. Это у нас во второй половине прошлого века стало ускользать из поля зрения не только славянофилов, но и западников, как либеральных, так и революционных. Европа для них либо превращалась в безличный образчик всяческого «прогресса», либо подменялась еще более узкими идеологическими схемами, применимыми где угодно, а потому объявлявшими обязательным и для нас. Кто не понял Европу, не поймет и Россию. Противоположные одно другому заблуждения относительно ее места в мире стали на верхах образованного общества исчезать лишь к началу нашего века. На его низах они держатся до наших дней.

Самобытность — нечто совершенно естественное и преходящее, поскольку не смешивают ее с квасным патриотизмом и не называют единственно правильное «европейское» понимание ее «низкопоклонством перед Западом» одинаково несправедливо и неумно зачеркивать национальное своеобразие безличным интернационализмом и абсолютизировать его, называя «безродным космополитом» всякого, кто — по примеру Достоевского, кажется уж патриота и даже во многом шовиниста — склонен будет утверждать, что кроме России у него есть и другая родина: Европа. В официальной идеологии Советского Союза эти два противоположных заблуждения парадоксальным образом сосуществуют — «рассудку вопреки, наперекор стихиям»; раньше этого, конечно, не было: заблуждались либо этак, либо так. Прежняя Россия такого сочетания беспрекословной подчиненности занесенным с Запада взглядам с самохвальным осуждением этого самого Запада, унаследованным от вульгаризованного славянофильства, не знала, как не знает и не знало его и русское Зарубежье. Тут, в Зарубежье, евразийцам, пытавшимся даже и талантливо, но все же безуспешно выселить Россию из Европы, противопоставили последние интеллигенты старой формации, самобытности не признающей, и не понимающей ее роли в европейском единстве. Один из них обвинял меня (упоминаю о себе, потому что это характерный пример) после выхода в свет моей книги «Задача России», в суеверном «мессианстве» и в противоречии самому себе. Как это я, прославивший западником, могу говорить о единственности России, о «ей одной преподанной вести», о ее миссии в отношении остальной Европы? Но отчего же нет? Быть Мессией — одно; обладать особым призванием — совсем другое. Давно пора понять, что Россия так же единственна в европейском целом, как Англия или Италия. Причем значение части для целого как раз и определяется ее несходством с другими его частями.

Оба заблуждения эти одинаково опровергаются всей нашей историей. Воссоединившись с Западом, Россия расцвела, и она вновь расцветет, только если снова — не как часть Западной Европы, а как часть Европы — с ним соединится. Как только произошло, в последней четверти прошлого века, пусть лишь частичное отчуждение от него, как только затуманилось для нас лицо Европы, тотчас постигла нас странная сонливость и повсюду стали замечаться уныние, застой, убыль духовных сил. Наши шестидесятники заклеили окно на Запад прокламациями и подметными листками, отказались от всего его богатства, ради горсти лозунгов, ничего не дававших мысли, но пригодных для борьбы. Как бы ни расценивать эту борьбу и всю их деятельность с других точек зрения, с точки зрения культуры она была в высшей степени вредоносна. Недаром проявляли они столь крайнюю нетерпимость ко

всему, что нельзя было поставить на службу политике (разумеется, и политике): к религии, философии, поэзии, искусству и даже к научному знанию, непригодному для пропаганды и не направленному на непосредственное удовлетворение практических нужд. Ближайшим образом все это привело (вместе с подавлением крамолы, столь же упростибельным, как она сама) к провинциализации России, очень верно отраженной Чеховым; в конечном же счете послужило к образованию того умственного склада, который вскоре стал характерен уже не для верхних, и даже не для средних, а для низших слоев интеллигенции, что и позволило ему восторгаться после Октября, когда полу-интеллигенты пришли к власти, а интеллигенция более высокого культурного уровня оказалась выгнанной или уничтоженной. В России началось снижение культуры, а потом и сдача ее на слом при Сталине, вместе с отчуждением от остальной Европы, достигшим размеров невиданных в после-петровские времена. Россия отходила от Запада. Нынешнее молодое поколение знает, что это значило. Самобытности она этим не приобретала. Наоборот, чем дальше отходила, тем становилась меньше похожей на себя.

✱

«Всякая революция влечет за собой временное одичание», как писал в свое время Фридрих Шлегель. Одичание это длилось у нас исключительно долго, но вот уже лет десять, как наметился выход из него, как обозначился просвет, который то быстрее, то медленней, но все же расширяется с каждым годом. Молодое поколение новой интеллигенции в лучшей своей части к этому просвету устремлено; оно правит свой путь по двум звездам, мысленно различимым, но на деле слившимся в одну; можно звать эту звезду «Европа», можно звать ее «Россия», большой разницы при этом не получится. Именно в стране, которая была бы Европой, будучи с тем Россией, этим русским молодым людям и хотелось бы отныне жить. Глядят ли они на Запад, вспоминают ли о том, о чем так долго воспрещалось вспоминать, они ищут одного: утраченной родины, не телесной, но духовной.

Родина, — это не территория плюс народонаселение, и даже не просто семья и родной дом. Кошки привыкают к дому, собаки к людям, и привязанности человека, вырастающие из этих животных привязанностей, святы, нужны и неотъемлемы от его человеческого естества. Но все же родину любит он не одной собачьей или кошачьей любовью. Облик ее, живущий в его душе, к одним ощущениям не сводим, так что способен и вовсе обойтись без запаха березового листа и вкуса гречневой каши. Россия, это духовное, умопостигаемое целое, меняющееся во времени, да и окрашенное для каждого слегка по иному, но все же очерченное с достаточной ясностью и пребывающее не в прошлом только, но и в связи будущего с прошлым. Одичанье исказило образ России именно тем, что затемнило и ослабило эту связь. Усилия нового поколения как раз направлены — ясно ли или смутно оно это сознает — к восстановлению этой связи.

Связь требуется восстановить, как это все, по-видимому, и чувствуют, прежде всего с самым недавним прошлым, с двадцатыми годами, когда мысль и воображение не совсем еще были вытравлены у нас, хоть и притеснялись все усердней с каждым годом, а затем и с дореволюционным началом века, положившим конец провинциализму предшествовавших лет. Восстановление преемственности невозможно без пересмотра тех нелепых оценок, которыми так долго заграждался путь к этому близкому нашему прошлому, без тщательного ознакомления с тем, что было им сделано, как и с тем, что было сделано в русском Зарубежье, по мере сил продолжавшим его. Запрет нынче снят лишь с очень малой доли этого наследства, но раскрепощение памяти, хоть и робко, все же началось. Смысл его, всякий это понимает, не в возврате к тому, что было. Преемственность не состоит в повторении пройденного. Искать надо в прошлом не образцов для

подражания и не мыслей, с которыми заранее согласен, а «пищи для ума», и тут, в нашем и недавнем, легче ее будет найти, чем где бы то ни было. Через это близкое ведет путь и к пониманию более далекого. Преемственность восстановима только в выборе, в борьбе, только путем усвоения одного и отбрасывания другого. Нельзя утвердить ее, продлить, передать будущему, не прибавив к ста-

рому ничего нового. Но чтобы прибавить, надо знать, к чему прибавлять.

Россия должна заново осознать себя Европой и Россией, стать Европой и Россией. Это и будет для всех русских, где бы они ни жили, где бы ни умерли они, возвращением на родину.

СЕРГЕЙ БУЛГАКОВ

О социальном идеале*

Человек сознает себя свободным. Настоящее и будущее представляется для него не как ряд причин и следствий, при данных условиях единственно возможный, а как ряд различных возможностей, причем осуществление той или другой возможности зависит от его воли, от его поступков. Возможность выбора и отрицание необходимости как единственно возможного хода событий, — вот то специфическое содержание представления о свободе, которое открывается каждому в его непосредственном сознании. Это не значит, конечно, чтобы человек имел свободу выполнения или, другими словами, обладал всемогуществом; он подчинен железному закону объективной причинной связи и может воздействовать на нее лишь в качестве одной из причин, одного из ее элементов. И это не значит также, чтобы человек действовал совсем беспричинно, т.е. помимо всяких мотивов, — напротив, все его действия необходимо мотивированы или причинно обусловлены. Тем не менее человек сознает себя свободным склониться к тому или другому мотиву, производит между ними выбор.

Свободу выбора, непосредственно испытываемую каждым из нас, мы признаем и относительно других людей. Хотя мы и в состоянии иногда предугадывать, как при данных обстоятельствах поступит тот или другой человек, однако мы неспособны отрешиться от того представления, что он может поступить различно и что при этом он имеет такую же свободу выбора, которую мы приписываем самим себе. На этом представлении основано наше практическое отношение к другим людям, увещания, просьбы, агитация и т.д.

Чувство свободы неустранимо из нашего сознания, каково бы ни было наше метафизическое объяснение этого факта. Мы можем совершенно отрицать свободу воли в метафизическом смысле и считать испытываемое нами чувство свободы своеобразным психическим состоянием, сопутствующим волевым актам; мы можем, наоборот, видеть в этом чувстве проявление подлинной нашей сущности свободного самоопределяющегося духа. Вопрос этот окончательно разрешается лишь в связи с общим метафизическим мировоззрением (и прежде всего онтологическим учением), но то или другое решение метафизического вопроса не имеет никакого значения для существования чувства свободы, как непосредственного факта сознания. Этот факт из сознания во всяком случае неустраим, хотя бы мы и отрицали свободу воли и метафизическом смысле. Можно допустить вместе с Спинозой, что и магнитная стрелка, если бы имела сознание, считали бы свое движение к северу свободным своим делом, или сделать вместе с Кантом подобное же предположение относительно вертящегося вертела. Но иллюзорность этого самосознания стрелки и вертела может составить факт только нашего человеческого, или же вообще постороннего сознания, но ни стрелка, ни вертел не способны одновременно сознавать себя и свободными, и не-

свободными. Равным образом нет оснований не допустить, что для какого-нибудь чуждого нам существа и наша свобода уподобляется свободе магнитной стрелки и вертела, но мы-то сами, пока поле нашего сознания занято чувством свободы, не можем одновременно сознавать себя несвободными, т.е. не только теоретически допускать, но и практически испытывать два взаимно друга исключаящие состояния. Практически мы сознаем себя свободными, и в виду совершенной бесспорности этого гносеологического факта мы можем оставить здесь в стороне метафизический вопрос о свободе воли.

Поскольку свобода в нашем сознании ставит границу механической причинности во всем, что касается наших хотений (а равно и хотений других людей), очевидно, постольку эти хотения по закону причинности оказываются для нас непознаваемыми. Далее психологической причинности или мотивации подчинен уже совершившийся акт воли, поступок, но не самое хотение, ему предшествующее и сопровождающееся чувством свободы. Поэтому, сколько бы мы ни постулировали всеобщность закона причинности и в частности закономерность социальных явлений, самих себя мы невольно будем мыслить свободными и ставить вне этой закономерности, рассматривая ее как внешнюю границу нашей свободы. Мыслить себя под исключительным господством категории необходимости мы не можем, и на этом основании социальная наука, которая показала бы нам наши будущие поступки не как свободные, основанные на свободном выборе, но как необходимые и единственно возможные, ведет к невыносимым противоречиям в нашем сознании, потому она невозможна. Конечно, логически мыслимо такое познание всего сущего, при котором все оно представляется как один связанный акт, объединенный единством причинной связи, но такое познание возможно не для нас, а для абсолютного духа, стоящего выше нас и вне нас с нашей ограниченностью и с нашим сознанием действительной или иллюзорной свободы воли. Мы должны выпрыгнуть из своей шкуры, чтобы познавать свои собственные субъективно-свободные действия как субъективно-необходимые. Потому социальное предсказание, в котором наши будущие свободные действия изображаются в качестве необходимых, включает в себя гносеологическое противоречие и есть недостижимый для человека идеал. Мы не в состоянии последовательно провести в жизнь доктрину детерминизма, не переставши быть сами собой. Счастье или несчастье в этом для человека, но это факт, притом факт, связанный не с тем или другим уровнем развития социальной науки, а с коренными свойствами нашего духа, с постоянным содержанием нашего сознания. Эту принципиальную невозможность исключительного детерминизма с достаточной наглядностью показал Штаммлер в своем известном исследовании «Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung», и в этом его огромная заслуга перед социальной наукой. Штаммлер выяснил противоречие последовательного детерминизма на примере так наз. научного социализма, который с одной стороны постулирует необходимость наступления социалистического строя об-

*) От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903).

щества, но в то же время обращается к свободной воле человека, приглашая его к известному образу действий для достижения этого результата. Как справедливо замечает Штаммлер, нельзя основать партии, ставящей целью содействовать наступлению лунного затмения, которое и без того придет в свое время с естественной необходимостью. Одно из двух: или социалистической строй будущего общества необходим, как лунное затмение, тогда обращение к свободе человека излишне, или же он не может мыслиться нами как необходимый и является в действительности только целью наших свободных стремлений. Середины или компромисса между свободой и необходимостью как состояниями сознания нет и быть не может. Потому всякая доктрина последовательного детерминизма, независимо от того или другого особенного ее содержания, подпадает этим неустрашимым противоречиям¹⁾.

В частности, идея «научного социализма», согласно которой социалистический строй представляется одновременно и необходимым результатом причинной зависимости явлений, и идеалом или долженствованием для свободной воли, иначе говоря, идея причинного долженствования или свободной необходимости есть своего рода деревянное железо или железное дерево.

Свобода человеческой воли в вышеуказанном смысле выражается, как сказано, в способности выбора. Выбор же предполагает различение и сравнительную оценку. В ряду представляющихся нашему сознанию мотивов одни мы осуждаем, другие одобряем или оправдываем. Способность оценки, различия добра и зла, в большей или меньшей степени свойственна всем, по крайней мере, взрослым и здоровым людям. Возможность такой оценки предполагает, очевидно, присутствие в нашем сознании некоторого критерия или нормы для этой оценки. Норма эта может ясно или неясно сознаваться в каждом отдельном случае или у каждого отдельного субъекта, но самое сознание ее есть бесспорный факт, и этот факт мы констатируем во всяком суждении: то хорошо, а это дурно. Так как нас специально интересует здесь вопрос о социальных отношениях или о социальном поведении, то мы и сосредоточим внимание именно на вопросе о социальном долженствовании. Нормы социального поведения, присутствующие в сознании у каждого, предполагают известный социальный идеал, с высоты которого и оценивается социальная действительность, а в соответствии такой оценке определяется и деятельность людей. Каково же содержание этого идеала и чем он обосновывается? Выводит ли его обоснование за пределы политической экономии и вообще опытной науки или же, наоборот, возможно в этих пределах?

Сначала остановимся на разборе последнего мнения. Наиболее решительно оно выражено в учении научного социализма, который в теории устраняет всякое самостоятельное значение долженствования. В марксизме нет ни одного грана этики, так формулировал однажды эту осо-

бенность его Зомбарт. На место долженствования здесь ставится понятие естественной необходимости и классового интереса, как естественного отражения объективных экономических явлений. Возможно ли на таких основаниях построить стройную систему социальной политики, каковую несомненно в общем и целом является марксизм, и остается ли он при этом построении верен своим собственным теоретическим принципам?

Что касается естественной необходимости вообще, то в качестве руководящего начала социальной политики этот принцип не дает ничего, потому что дает слишком много. Все будущее, с точки зрения последовательного детерминизма, равно необходимо. Необходимо, следовательно, все гадости и мерзости, которые еще имеют быть совершены в истории, наряду с подвигами любви и правды. Идея естественной необходимости не дает поэтому никакого критерия для различения явлений действительности, а между тем оценка необходимо основывается на различении и выборе. И, конечно, последователи Маркса всегда производили и производят этот выбор, различая явления положительные и отрицательные, прогрессивные и реакционные, и в антагонистическом строе капиталистического общества сознательно становясь на сторону рабочих, а не капиталистов, хотя оба класса представляют собой одинаково необходимый продукт социальной истории нового времени. На основании какого же критерия делается такое различение, если всякое самостоятельное значение идеала и долженствования отрицается наперед?

Однако здесь вводится корректив в виде понятия классового интереса, как естественного критерия политики. Но оказывается ли достаточным и этот критерий, не совершается ли и при нем сверхсчетного позаимствования из отрицаемой этики?

Если принять классовый или групповой интерес нормой политики в качестве естественного факта, то мы получим таких норм столько, сколько существует отдельных классовых интересов. С этой точки зрения, не допускающей никакой оценки различных классовых интересов по их этической ценности, рабочий класс оказывается столь же прав в своих требованиях, как и классы землевладельцев и капиталистов, ибо все эти интересы одинаково представляются естественно-необходимыми. Человечество как бы рассекается при этом на несколько каст или различных пород в соответствии различию классовых интересов. Однако все классы, — лицемерно или искренне, — естественный, казалось бы, факт своего классового интереса стремятся известным образом оправдать, свести его к высшим требованиям справедливости или социального долженствования. С другой стороны, существуют и классовые перебежчики, изменники своему классу, причем некоторые из них почему-то вдруг заявляют о себе, что они суть представители интересов рабочего класса, к которому однако фактически они никогда не принадлежали и не принадлежат. Так определяет себя внеклассовая интеллигенция²⁾. Каким же образом возможно объяснить это классовое перевоплощение, если не признавать самостоятельного значения долженствования, во имя которого это перевоплощение совершается?

Но пойдем далее. Имеет ли самое понятие классового интереса такие определенные и бесспорные признаки, которые бы ясно его отграничивали? Прежде всего очевидно, что не класс дает определение классовому интересу, а, напротив, существование его самого определяется в зависимости от наличия такого общего интереса. Класс есть группа лиц, имеющих одинаковые экономические интере-

¹⁾ В старой своей статье о книге Штаммлера («О закономерности социальных явлений», см. выше), я возражал против этого основного ее положения. Передумывая этот вопрос снова, я пришел в конце концов к тому заключению, что мои возражения обходят вопрос и в действительности вовсе не уничтожают аргументации Штаммлера.

Замечу во избежание недоразумений, что та, исключительно гносеологическая, постановка вопроса о свободе воли, в которой мы находим его у Штаммлера, а равно берем и в настоящем изложении, будучи совершенно достаточна в целях социальной науки, конечно никаким образом не является исчерпывающей и окончательной. Напротив, здесь и не затрагивается основная проблема свободы (или несвободы) воли в метафизическом смысле, хотя вопрос о свободе воли и смысле гносеологическом с необходимостью приводит к этой метафизической проблеме.

²⁾ Иногда это мотивируется тем, что с интересами рабочего класса связаны условия экономического прогресса. Нетрудно однако видеть, что в таком случае нормой политики является уже не классовый интерес, а экономический прогресс; следовательно, первоначальный критерий подменяется другим.

сы. Единственным признаком класса и классовой политики остается поэтому общность экономических интересов. В теории обыкновенно принимается *a priori*, что однородные социальные группы имеют и общие экономические интересы, и это предположение считается соответствующим конкретной действительности. Однако, если мы станем строить понятие класса не сверху, а снизу, *a posteriori*, и будем искать в конкретной действительности фактического единства интересов, чтобы на основании его определить классовые группировки, то ожидаемого единства интересов обширных социальных групп, имеющих много сходного во внешнем своем положении, мы не найдем. Возьмем для примера рабочий класс, который вообще отличается наибольшей сплоченностью и нередко принимается имеющим и однородным экономический интерес. В действительности в пределах этого класса существуют самые разнообразные группировки различных интересов, причем вполне возможно, что рабочий, принадлежа одним своими интересами к одной группе, другими принадлежит к совершенно противоположной. Между рабочими, принадлежащими к различным народным хозяйствам, возможны конфликты на почве конкуренции на мировом и даже на внутреннем рынке, — так и трудовом (классическим примером последнего может служить, напр., теперешнее стремление американских рабочих к ограничению иммиграции чужестранного труда, причем, как известно, движение это уже привело к ряду законов, чрезвычайно ограничивающих и затрудняющих иммиграцию европейцев и фактически воспрепятствующих иммиграцию китайцев). Рознь интересов возможна и в пределах одной страны относительно рабочих различных промышленных районов, конкурирующих между собой. Еще чаще это наблюдается относительно рабочих, занятых в разных отраслях производства; так, напр., в Зап. Европе и особенно в Американских Соед. Штатах в настоящее время враждебно сталкиваются интересы индустрии и земледелия, а это до известной степени выражается глухим или открытым антагонизмом соответственных категорий рабочих. Наконец, и рабочие, занятые в одной и той же отрасли производства, при известных условиях могут иметь неодинаковые или даже противоположные экономические интересы. Яркий пример такой временной противоположности интересов мы имеем в случаях нарушения стачки, так наз. *Streikbrecher*'ства. Одни рабочие начинают стачку во имя своего экономического интереса, другие нарушают ее во имя экономического же интереса. Кто же здесь прав, если оставаться на почве последовательно произведенной доктрины экономического классового интереса?

Следовательно, если мы для определения понятия классового интереса обратимся к конкретной действительности, то окажемся совершенно беспомощны перед сложностью и противоречивостью индивидуальных интересов и положений. Мы не только не находим устойчивой определенности экономических группировок, которая предполагается в учении марксизма как бы сама собой разумеющейся, напротив, здесь мы наблюдаем бесконечное разнообразие и постоянную смену. Последовательное развитие доктрины классового интереса как нормы социальной политики необходимо ведет к отрицанию всякой нормы, всяких общих принципов, ведет к социальному атомизму (бентамизму). Последним понятием, к которому приводит этот логический *regressus*, будет даже не индивидуум, ибо один и тот же индивидуум в разные времена и в разных положениях может иметь различные и даже противоположные интересы, а каждый отдельный акт хозяйственной деятельности. Классовый интерес оказывается тенью и ускользает из наших рук, как только мы делаем попытку его уловить. А вместе с ним ускользает и понятие класса, поскольку оно конституируется признаком единства классового интереса.

Политика классового интереса, непротиворечивая и последовательная очевидно, должна уметь разбираться в этом море конкретных противоречий экономических ин-

тересов и иметь критерий, чтобы оправдывать одни экономические интересы как правильно или идеально понятые классовые интересы и осуждать другие с этой же точки зрения, напр., санкционировать интересы стачечников и осуждать интересы *Streikbrecher*'ов. Классовый интерес при этом оказывается не естественно-необходимым фактом, а идеальной нормой. Во имя идеально понятого классового интереса ты должен поступать так, а не иначе: вот действительное содержание идеи классовой политики, которое открывается нам анализом понятия класса. А если так, учение о классовой политике не имеет никакого права противопоставлять себя социальному идеализму или учению о самостоятельной роли социального идеала или долженствовании. Оно есть только отдельный случай этого долженствования, частная его формула, которая подлежит обсуждению со стороны своего особенного содержания, но совсем не является принципиальным отрицанием долженствования вообще. Итак, если вскрыть откровенно все содержание идеи классовой политики, которое прикровенно содержится в этом учении, то оно будет полностью таково: из всех существующих общественных группировок требованиям справедливости соответствуют экономические стремления или интересы рабочего класса, однако известным образом понятые; почему и политикой, отвечающей идеалу справедливости, является политика в направлении интересов этого класса. Но и реальные интересы этого класса могут служить нормой политики, лишь поскольку они отвечают требованиям справедливости или классовому интересу, идеально понятому. Стоит только обратиться к популярной литературе социал-демократической партии, к ее газетам, листкам, воззваниям и т.д., и мы в разных формах, но на каждом шагу встречаем повторение этого самого мотива: во имя классового интереса, понимаемого как идеальная норма, как требование социальной справедливости, производится агитация, ведется литературная полемика, обличается враг, проповедуется безустанная борьба. Вся социал-демократическая пропаганда, можно сказать, пропитана той самой этикой, от которой марксизм не хочет ввести ни одного грана в свою доктрину. Это хотя и непоследовательно, но вполне естественно и неизбежно, ибо от своей этической природы человек не может отказаться даже в том случае, если к тому его побуждает доктринерская схема. К марксизму в данном случае можно применить слова самого Маркса о том, что человек не есть на самом деле то, что он сам о себе думает. Отрицая этику в теории, на практике социал-демократизм является одним из самых могучих этических движений современной общественной жизни.

Но то, что в учении Маркса является терпимым лишь против воли и как бы контрабандой, для нас и составляет центральную проблему: чем определяется социальное долженствование, каково содержанию этого социального идеала, сообщающего качество справедливости или несправедливости отдельным социальным стремлениям и поступкам, какова его природа?

Прежде всего очевидно, что это долженствование не соединено неразрывно с какими-либо определенными экономическими требованиями; напротив, в качестве предиката оно может сочетаться с экономическим содержанием прямо противоположным и вообще самым различным (напр. в Англии времен Ад. Смита освободительные идеалы связывались с требованиями хозяйственного индивидуализма — *Laissez faire, laissez passer*, а в настоящее время с диаметрально противоположными требованиями социализма). Иначе это долженствование не имело бы того характера всеобщности, общеприложимости, который ему необходимо свойствен. А если предикат должного принадлежит данному экономическому требованию не в силу его особенного содержания, а лишь его отношения к социальному идеалу, то и этот последний также не может быть определенным требованием экономического характера и, будучи выше и общее всякого экономического содержания, может корениться не в социальной экономии,

а только в морали. Этим ставится на очередь вопрос о характере взаимных отношений морали и социальной политики.

В марксизме мы видели попытку отрезать мораль от социальной политики, принеся первую в жертву последней. Имеются и противоположные попытки — уничтожить самостоятельную область социальной политики ради единодержавия морали. С этой точки зрения считается достаточным иметь лично хорошие, любовные отношения ко всем и ко всему, нравственная жизнь ограничивается здесь областью так называемой личной морали. Так разрешают вопрос об отношении морали и политики две во всем остальном чрезвычайно далекие друг от друга доктрины, причем как та, так и другая стремится дать верное истолкование христианского учения: византийско-монашеское миропонимание с одной стороны, и учение Л. Н. Толстого — с другой. Крайности сходятся. Первая доктрина отрицает самостоятельную область и значение социальных и политических реформ, в лучшем случае она ее просто игнорирует; к идее общественного прогресса относится с недоверием и подозрительно, если не прямо враждебно, считая, что действительная реформа человеческих отношений может быть произведена только в человеческом сердце. Потому первостепенное значение имеет только личное благочестие и нравственность, пожалуй еще нравы, но отнюдь не учреждения. (Известно, что это старозаветное и в корне фальшивое воззрение вошло в политическое мировоззрение старых славянофилов, отрицавших значение правовых гарантий, даже относившихся к ним с пренебрежением, как к плохой выдумке гнилого Запада). К такому же окончательному результату приводит и учение Л. Н. Толстого о непротивлении злу; ограничиваясь лишь отрицательными заповедями неучастия во зле, без положительного требования борьбы со злом, это учение естественно приближается к такому же социально-политическому нигилизму, как и византийско-монашеская доктрина. Обоим этим учениям следует противопоставить нравственную аксиому, что мораль — автономная или религиозная, все равно — должна давать ответ и указания на все требования жизни и не отворачиваться ни от одного из них. Мы не можем строить действительность по своему собственному желанию, произвольно закрывая глава или объявляя несуществующими или несущественными важные ее стороны. И в этой действительности бесспорно существуют такие отношения, которые переходят за пределы личных отношений человека к человеку и потому остаются вне сферы личной морали. Сюда относится государственная жизнь, область права и социально-экономических отношений. Каждый конкретный вопрос этой области приходится решать на основании не непосредственного чувства, а отвлеченно-рассудочных принципов. Принципиально выключать эту область из сферы морали и ее задач значит сознательно отдавать ее безраздельному господству темных инстинктов и стихийных сил. Но помимо того, живя в известной среде, мы не можем даже осуществить невмешательства и воздержания, какие требуются рассматриваемым учением. Ведь нетрудно понять, что неучастие есть лишь известная форма участия (как в политической экономии всеми признается, что политика *Laissez faire* есть все же определенная форма политики). Живя при известной государственной организации и устраняя себя сознательно от вопросов политики, я тем не менее пассивно эту организацию поддерживаю (не говоря уже о прямой финансовой поддержке, которую я оказываю как плательщик налогов). Равным образом, все мы являемся сознательными или бессознательными социальными политиками, — не только Бисмарк, проводящий закон о рабочем страховании, но и последний рабочий, принимающий участие в стачке или ее отклоняющий. Потому речи о принципиальном неучастии в общественной жизни быть не может, ибо оно и вообще невозможно. Вот почему, между прочим, очень часто, особенно у клерикалов, эта речь является

просто личиной для охранительных тенденций плохим прикрытием общественного индифферентизма.

Таким образом политика или общественная мораль становится рядом с личной моралью, представляя необходимое ее развитие и продолжение. Мораль перерастает в политику. При этом политика, конечно, не может явиться чем-либо самостоятельным или чуждым морали в отношении основных и руководящих принципов, хотя принципы морали необходимо и преломляются в социальной среде.

Высшей нормой личной морали является заповедь любви к ближнему. Примененное в качестве критерия социальной политики, это начало превращается в требование справедливости, признания за каждым его прав. Справедливость есть форма любви, как справедливо замечает Вл. Соловьев (в «Оправдании Добра»). В самом деле, любовь к ближнему просто как к человеку предполагает равное отношение ко всякой человеческой личности, чуждое всякого произвольного оказываемого предпочтения одному перед другими — предполагает, другими словами, справедливость как само собою разумеющуюся и в этом смысле естественную норму человеческих отношений: справедливое суть понятия, которыми мы постоянно пользуемся в своей жизни. Спор о социальных идеалах есть ни что иное, как спор о справедливости и правильном понимании ее требований. Попытаемся раскрыть главное содержание, заключающееся в понятии о справедливости как норме человеческих отношений.

Формула справедливости — *suum cuique*, каждому свое. За каждой личностью признается неотъемлемое *suum*, сфера его исключительного права и господства. На что же опирается это признание за каждой человеческой личностью такой сферы? На этот вопрос нельзя ответить, не прибегая к осмеянному и навсегда, как одно время казалось, устранимому, но на самом деле неустранимому из человеческого сознания понятию естественного права.

Естественное право есть правовое и социальное должествование, это — те идеальные нормы, которых в реальной действительности нет, но которые должны быть и во имя своего объективного должествования отрицают действующее право и существующий социальный уклад жизни. Критика права и социальных институтов есть неотъемлемая и неустранимая потребность человека, без этого остановилась бы и замерла общественная жизнь. И эта критика совершается, конечно, не с пустыми руками, — такая беспредметная критика была бы простым брюзжанием, — а во имя известного идеала, идеального должествования. Существующему, исторически сложившемуся и потому неизбежно несовершенному жизненному укладу противопоставляется идеальный, нормальный строй человеческих отношений, и это представление об идеальном или естественном праве дает критерий добра и зла для оценки социально-правовой конкретной действительности. На основании такой оценки вырабатываются те или иные требования реформ, и эти требования, конечно, изменяются в истории, подлежат закону исторического развития (это так наз. *das natürliche Recht mit wechselndem Inhalt*). Но самый правовой идеал, идеальная норма человеческих отношений, представляющая естественное право в собственном смысле, абсолютен и следовательно должен иметь и абсолютную санкцию.

Естественное право в указанном смысле, как идеальная и абсолютная норма для оценки положительного права, сводится к нескольким морально-правовым аксиомам, которые сознательно или бессознательно подразумеваются во всяком правовом суждении. Первая из этих аксиом касается равенства людей. Люди равны между собою как нравственные личности; человеческое достоинство, стятейшее из званий человека, равняет всех между собою. Человек для человека должен представлять абсолютную ценность; человеческая личность есть нечто непроницаемое и самодовлеющее, микрокосм.

Положение это прочно укоренилось в сознании современного культурного человечества; если мы мысленно его попытаемся удалить, разрушается вся мораль, обесцениваются все ценности. (Как известно, этот опыт произведен был Ницше.) На чем же держится, на каком основании может утверждаться это учение, незыблемость которого только подтверждается попытками его поколебать?

Прежде всего, оно не принадлежит к числу прирожденных и потому неустрашимых данных человеческого сознания. Оно не уподобляется, напр., формам чувственного восприятия — пространству и времени, которые устранили из сознания мы не в силах, если бы даже хотели. Напротив, идея абсолютного достоинства человеческой личности и равенства людей как носителей этого достоинства входит в сознание человечества постепенно, есть в этом смысле продукт исторического развития. Этой идеи не знала античная древность, величайшие мыслители которой — Платон и Аристотель — не распространяли человеческого достоинства на рабов. Хотя идея равенства людей была свойственна еще стоикам, но всемирное значение она получила лишь в проповеди Евангелия.

Идея равенства не представляет неустрашимого факта сознания и в том смысле, что она вовсе не соответствует нашим действительным психологическим переживаниям по этому поводу. Мы в слишком многих отношениях чувствуем себя неравными другим людям — выше или ниже их — и во всяком случае глубоко от них отличными (на чем и основано чувство индивидуальности). Если мы обратимся, наконец, к эмпирической действительности, то и здесь мы найдем, что бесспорным фактом этой действительности является не равенство людей, а, напротив, их неравенство. Люди неравны в природе, неравны по возрастам, по полам, по талантам, по образованию, по наружности, по условиям воспитания, по жизненным успехам, по характерам и т.д., и т.д. Следовательно, из опыта идеи равенства почерпнуть мы не могли, из опыта мы могли бы скорее получить античные или ницшеанские идеи. Равенство людей не только не есть факт, но даже и не может им сделаться, это есть лишь норма человеческих отношений, идеал, прямо отрицающий эмпирическую действительность. Однако, если идея равенства была признана человечеством лишь в историческом развитии, то может быть она есть просто предрассудок нашей эпохи, ее вкус, прихоть? У античного эллина и у современного европейца различаются кулинарные вкусы, моды и костюмы, различаются астрономические, физические и проч. научные воззрения; может быть, с этими различиями следует сопоставить и разность отношения к человеческой личности? Но попробуйте на самом деле приравнять эту разницу всем прочим особенностям, какие отличают нас от эллинов, как мы сейчас увидим все огромное и принципиальное различие, которое здесь существует. Я могу одеваться в шюртук и античную тогу; могу иметь те или иные привычки в пище; могу, наконец, иметь те или иные химические, физиологические и т.д. воззрения, — все это нисколько не затрагивает и не характеризует моей нравственной личности, и эти различия представляются для нее случайными и несущественными. Напротив, чтобы отвлечься от идеи абсолютного человеческого достоинства, одинакового как во мне, так и моих ближних, я должен нравственно пасть, озвереть, ожесточиться, изменить своему нравственному я. Эта идея оказывается устойчивее и значительнее для определения нравственной личности, чем бесчисленные индивидуальные особенности, в своей совокупности образующие мое эмпирическое я; она составляет как бы интегральную его часть или ядро. Мое сознание дает мне определенное показание, что эта идея имеет не субъективное и потому только случайное значение прихоти или вкуса, которое я могу менять ежедневно, но объективное и существенное. Это есть истина обо мне и о моих ближних.

Утверждая равенство людей, вопреки их эмпирическому неравенству, и абсолютное достоинство личности, вопреки существующему униженному ее положению, мы

отрицаем эмпирическую действительность и за «корою естества» прозреваем подлинную, божественную сущность человеческой души. Люди нее суть равны, и люди суть равны: вот два противоречивых положения, которые нам нужно согласить. Их можно согласить только отнеся эти противоречия к различным подлежащим. Люди не равны в порядке натуральном, как эмпирические существа, но равны в порядке идеальном, как умопостигаемые сущности, как духовные субстанции. Но при этом порядок идеальный дает норму, естественное право, для порядка натурального. Только таким образом возможно мыслить без противоречия одинаково для нас бесспорные истины о человеке и как о натуральном, и как об идеальном существе. Отсюда следует, что учение о равенстве людей и абсолютном достоинстве человеческой личности, составляющее нравственный фундамент новейшей демократической цивилизации, необходимо подразумевает *transcensus* за пределы опытноданной действительности, в область сверх-опытную, доступную лишь метафизическому мышлению и религиозной вере, а этот *transcensus* сам собою приводит к дуализму, к раздвоению действительности, на мир подлинно-сущего, идеальный, и мир эмпирический, воспроизводит вековую антитезу платонизма. Оно основывается на религиозном учении о природе человеческой души и ее отношения к Божеству, от которого она получает свое абсолютное достоинство. Мы упомянули уже, что идея абсолютного достоинства человеческой личности и равенства всех пред Богом, как «сынов Божиих», проповедана Евангелием и неразрывно связана в нем с учением о Боге и мире, с основными положениями христианской метафизики. Все демократические идеалы нашего времени питаются этой идеей. Но — странным образом — не только происхождение этой идеи забыто и действительные основания ее утеряны, но с течением времени идеалы свободы, равенства и братства стали считаться чем-то чуждым и даже противоположным христианству. Здесь нет нужды разбирать все причины этого прискорбного исторического недоразумения; но недоразумение это приводит к тому, что упомянутые идеалы, оторванные от своей естественной и притом единственной основы, оказываются висящими в воздухе и открыты всевозможным (дарвинистическим, ницшеанским и т.д.) нападениям, ибо они могут иметь лишь одно бесспорное обоснование — религиозно-метафизическое. И если в современной душе сохраняется вера в человека, то она поддерживается старой привычкой сознания, надолго пережившей свои основы, бессознательной религиозностью. Напротив, держась почвы последовательного позитивизма, судя о человеке по тому, что дает нам эмпирическая действительность, мы имеем все основания сделать заключение о неравенстве людей и, исходя из этого фактического неравенства, отвергнуть проповедь равенства как вредную и утопическую. Это и сделал неустрашимый позитивист Ницше, который глубоко и справедливо понял свое антихристианство как отрицание идей равенства и демократии, как политической, так и экономической. (Нельзя поэтому не удивляться тому ослеплению, с которым в настоящее время пытаются приладить проповедь Ницше к идеалам демократии и украсить яркими перьями, заимствованными у Ницше, безжизненный скелет самого ординарного позитивизма). В этом пункте Ницше последовательней Канта и последовательней Маркса, ибо он раскрывает все, что может дать философия позитивизма без всяких позаимствований у религии.

Идея равенства необходимо приводит к выводу, что ни один человек не имеет и не может иметь естественного права подавлять нравственную личность другого насильственными средствами. Идея равенства людей необходимо включает в себя идею свободы, как нормы человеческих отношений или идеал общественного устройства. «Право есть свобода, обусловленная равенством. В этом основном определении права индивидуалистическое начало свободы неразрывно связано с общественным началом равенства, так что можно сказать,

что право есть не что иное, как синтез свободы и равенства. Понятия личности, свободы и равенства составляют сущность так наз. естественного права.³⁾

Здесь необходимы пояснения относительно того, какой реальный смысл может иметь идея равенства и свободы.

Идея равенства людей как нравственных личностей не уничтожает и не может уничтожить их эмпирического неравенства и различия, притом не вторичного только, созданного социальными условиями, но и данного как первоначальный факт. Нельзя сделать несуществующими различия пола, возраста, ума, таланта, наклонностей. Механическое равнение под одно явилось бы величайшим неравенством, грубым нарушением принципа *sum cuique*, да кроме того было бы фактически невыполнимо. Идеал равенства имеет смысл и значение, соответствует верховной идее справедливости лишь как требование возможного равенства условий для развития личности в целях свободного ее самоопределения, нравственной автономии. Другими словами, все практическое содержание идеи равенства сводится к идее свободы личности и к требованию общественных условий ее развития, этой свободе наиболее благоприятствующих.

Однако, требованием свободы не отрицается всякая зависимость личности от общества. Подобная свобода осуществима только на острове Робинзона; ее нужно искать в ту доисторическую эпоху, когда человек блуждал в качестве одиночки дикаря. Жизнь людей в обществе необходимо обуславливает взаимодействие между ними, которое представляет собою известную зависимость людей друг от друга. Эта зависимость принимает самые разнообразные формы, ввиду существующего эмпирического неравенства людей. Легко различить зависимость внутреннюю или свободную, и внешнюю или принудительную. Первую мы имеем в отношениях ученика к учителю, читателя к писателю, сына к отцу и т.д. Подобная зависимость не только не нарушает духовной свободы личности, но, по настоящему, она представляет поле для ее проявления, ибо свобода личности фактически осуществляется лишь в общении с другими людьми. Зависимость второго типа создается условиями существования человека как физического существа, связанного с внешним миром железной необходимостью отстаивать свое физическое существование. Следствием этой необходимости является возникновение государственного и экономического союза, и человек попадает в зависимость от принудительной организации того и другого. Вполне освободиться от этой зависимости, оставаясь рабом физической необходимости, он не может. Идеал свободы личности в данном случае сводится только к тому, чтобы по возможности ослабить или нейтрализовать эту зависимость, превратив ее из внешней во внутреннюю, из принудительной в свободную.

Зависимость от государства представляется нам политическим гнетом не как таковая, не потому, что вообще существует государство со своими требованиями, а лишь в тех пунктах, где эти требования противоречат нашему нравственному чувству, не могут быть приняты и исполнены свободно, без принуждения. Нам не кажется, напр., нарушением свободы запрещение красть или убивать; получая полную санкцию со стороны нравственного сознания, эти требования государства исполняются нами свободно. Напротив, те ограничения частно- и публично-правового характера, которые встречают решительное осуждение со стороны нашего нравственного сознания (как ограничения свободы личности, совести, слова и т.д.), испытываются как политический гнет. Идеал политической свободы заключается поэтому не в уничтожении государства (какова теория анархизма), а в преобразовании его в соответствии требованиям нравственного сознания.

Зависимость экономическая имеет место в том случае, когда организация производства, экономический строй,

обуславливает внешнее и принудительное подчинение одних другим. Этого рода зависимость, основанная на отделении труда от орудий производства, естественно испытывается как экономический гнет. Определяясь тысячами индивидуальных обстоятельств в своих подробностях, существование такого гнета позволяет одному человеку властно ограничивать волю другого; следовательно, здесь во всяком случае происходит нарушение естественного права свободы личности. Однако, идеал свободы и здесь не может состоять в уничтожении экономического союза вообще, — такое бессмысленное требование было бы равносильно приглашению ко всеобщему самоубийству, — и, следовательно, не в расторжении экономических связей между людьми, которые вместе с экономическим прогрессом, как известно, не ослабевают, а укрепляются и усложняются, но именно в нейтрализации этой зависимости. Она может быть нейтрализована только уничтожением личного характера этой зависимости, ибо именно он оскорбляет нравственное чувство. Это, так сказать, обезличение и вместе с тем уничтожение экономической зависимости совершается с ростом хозяйственного коллективизма, вместе с которым место частного предпринимателя или капиталиста все в большей мере заступает обществом или государством, представляющим собой личность абстрактную (точнее даже безличность). И каждый шаг вперед, который делается в направлении замещения или ограничения личной диктатуры, — будет ли это фабричный закон, или муниципальное предприятие, или кооператива, — знаменует постепенный рост освобождения личности от личного экономического гнета. Впрочем, с этой точки зрения равнозначущими с хозяйственным коллективизмом являются и некоторые формы хозяйственного индивидуализма, именно мелкое единоличное хозяйство, пример чего мы имеем в настоящее время в прогрессирующем на западе крестьянском хозяйстве. Если можно еще спорить против самостоятельного крестьянского хозяйства по соображениям экономической целесообразности и прогресса, то с точки зрения социального идеала этого рода индивидуализм является вполне равноценным с коллективизмом. Вот почему, между прочим, считая ошибочными чисто экономические аргументы против крестьянского хозяйства, я включая в свою экономическую программу наряду с коллективизмом в промышленности крестьянский индивидуализм в земледелии⁴⁾, (конечно, выполняемый развитием земледельческих коопераций), причем, с точки зрения общего идеала свободы, такое на первый взгляд противоречивое сочетание оказывается последовательным и внутренне согласным.

На основании сказанного до сих пор ясно, что нравственное основание социализма дается индивидуализмом, идеалом свободы личности. Социализм и индивидуализм не только не суть противоположенные начала, но взаимно обуславливают одно другое. Только их правильное сочетание и равновесие обеспечивает возможную полноту свободы личности и ее прав. Вместе с тем при всей нераздельности обоих начал соединение их содержит непримиримую антиномию: ради свободы личность должна подчиниться обществу, и эта зависимость личности от общества усиливается по мере того, как увеличивается ее свобода. С другой стороны, принимая на себя задачу ограждения свободы личности, общественная организация может осуществить ее только энергичным поддержанием правового порядка против посягательств на него произвола отдельных личностей. Отграничить точно и бесспорно, где кончаются права общества и государства и начинается область неприкосновенных прав личности, невозможно даже в теории. В истории эта граница постоянно передвигается то в ту, то в другую сторону, она постоянно отыскивается заново вместе с изменением исторических условий. Благодаря этому неустраимому антиномизму

³⁾ Вл. Соловьев. Право и нравственность. Собр. соч., т. VII, стр. 499.

⁴⁾ См. мою книгу: «Капитализм и земледелие», 2 тома, Спб. 1900 г.

постоянно существует глухая борьба личности с обществом, и она всегда может вспыхнуть, перейдя в открытое неповиновение с одной стороны, или насильственные действия — с другой. В силу этого антиномизма даже самое идеальное общественное устройство может иметь лишь неустойчивое равновесие.

Оба члена этой антиномии, взятые в обособлении и превращенные в «отвлеченные начала», дают основание античному идеалу с одной стороны и анархическому — с другой, этим двум полюсам социально-философской мысли. Античный мир признавал лишь общество, пред которым уничтожается личность; идея естественных обязанностей для античного сознания представляется гораздо бесспорнее идеи естественных прав. Античный идеал коммунизма, так же точно, как и первобытный или патриархальный коммунистический строй, не может уже теперь служить для нас идеалом, ибо в нем отсутствует именно то, что в наших глазах и придает нравственную цену коммунизму, чему он служит только средством, — свобода личности. Напротив, анархизм хочет знать за личностью только права, только «den Einzigen und sein Eigentum» Макса Штирнера с его «Ich habe meine Sach' auf Nichts gestellt» и отрицанием обязанностей относительно себе подобных. (Антиобщественен и идеал сверхчеловека у Ницше.)

Таково содержание социального идеала: заповедь любви = социальной справедливости = признанию за каждой личностью равного и абсолютного достоинства = требованию наибольшей полноты прав и свободы личности. Обоснование этого идеала дается религиозно-этическим учением о природе человеческой души и вытекающих отсюда обязанностей человека к человеку. Идеал свободы, составляющий нравственную сердцевину современного демократизма (политического и экономического), открывается не в политической экономии или науке права: в опытным знании человек ищет лишь средств для осуществления абсолютного идеала. Вместе с тем идеалы политические и социальные, воодушевляющие теперешнее человечество, суть несомненно христианские идеалы, поскольку они представляют собой развитие принесенного в мир христианством учения о равенстве людей и абсолютной ценности человеческой личности.

Для понимания природы социального идеала существенно важно не забывать, что он, будучи априорным или извне данным для социальной политики, не может служить исторической целью, одной из таких целей, которых можно достигнуть и оставить позади⁵⁾.

Достижимы в историческом развитии только конкретные цели, между тем идеал справедливости абстрактен и по самому своему смыслу может соединяться с различными конкретным содержанием. Он является только регулятивной идеей, давая масштаб для нравственного суждения и оценки. Изменяющиеся конкретные условия приносят новые данные для решения этой задачи и для нового нахождения этого всемирно-исторического искомого. Мы не можем мыслить без противоречия полное разрешение этой задачи в истории («рай на земле»), потому что это означало бы конец всякой истории, неподвижность смерти, или же абсолютное совершенство, которое недостижимо в условиях эмпирического бытия. Не забудем, что идеал равенства и свободы является отрицанием этих условий, и уже потому не может в них целиком воплотиться.

Однако, если понятие истории и подразумевает идею бесконечного развития, это последнее совершается в определенном направлении, имеет идеальную цель; отсюда получается вполне определенный смысл и идея прогресса.

⁵⁾ Штаммлер, у которого превосходно выяснен регулятивный характер социального идеала, совершенно справедливо указывает, что такой идеал не может мыслиться достигнутым; движение к нему бесконечно, а следовательно в этом смысле и социальный вопрос в пределах истории окончательно не разрешим.

Весь ход исторического развития представляется нам непрерывным (хотя и зигзагообразным) прогрессом, торжеством свободы и справедливости во внешних формах общественной жизни, эмансипацией человеческой личности, постепенным собиранием и внешним объединением исторического человечества. В эмансипации личности и обобществлении человечества и заключается одна из важнейших задач всемирной истории. Но здесь мы находимся уже на пороге философии истории, переступать который в данном изложении нет надобности. Заметим только, что философское обсуждение социального вопроса, проблемы социального долженствования, необходимо приводит нас к философии истории, к проблеме социального и исторического бытия, которая, в свою очередь, связана со всеми основными проблемами философии. Эта связь существует одинаково как для метафизического, так и позитивного мыслителя, не только для Гегеля, но и для Маркса.

Следует еще особо подчеркнуть, что идеал свободы личности существенно отличается от критериев утилитарных или гедонистических, которыми он часто подменяется у позитивистов. Человек должен быть свободен, потому что это соответствует его человеческому достоинству; внешняя свобода есть средство, точнее отрицательное условие свободы внутренней, нравственной, которая есть образ Божий в человеке. Кант высказывает мысль, что человек как свободно-разумная личность, есть та цель, ради которой Бог создал мир, что мировая необходимость существует ради человеческой свободы. Эту мысль следует усилить особенно подтвердить относительно истории человечества, для которой развитие свободы личности есть верховный идеал. Но выставляя это требование свободы в качестве абсолютного религиозно-нравственного постулата, мы совершенно его не связываем с вопросом о том, как именно свободный человек захочет воспользоваться этой своей свободой, а также и о том, будет ли он счастлив ею. Человек может, как нравственная личность, ведая добро и зло, определиться как в ту, так и в другую сторону, и этого ни предсказать, ни решить за него никто из людей не может. Только свободные человеческие поступки имеют нравственную ценность, лишь в них человек обнаруживает истинную природу своего духовного я, осуществляет в себе человека. Едва ли также кто-либо решится уверенно сказать, что делаясь сознательнее и свободнее, человек в общем становится и счастливее; вообще гедонистический прогресс более чем сомнителен и остается во всяком случае спорным. Но если бы даже было доказано совершенно бесспорно, что в гедонистическом отношении цивилизация сопровождается положительным регрессом, то и тогда следовало бы призывать человечество вперед, к свободе и навстречу этому регрессу, а не назад, к сонному довольству, — свобода есть такое бесценное благо, которое может выкупить все, и права первородства не должны быть проданы ни за какую чечевичную похлебку.

Вопрос об автономии социального идеала и ценности человеческой свободы с потрясающей силой поставлен Великим Инквизитором (в легенде Достоевского), ведущим как бы торг со Христом за человеческую свободу. Ради счастья людей, состоящего в сытости, довольстве и покое, Инквизитор лишает их того, что должно быть для человека выше всех земных благ — их нравственной свободы⁶⁾.

Достоевский справедливо видит здесь отрицание главной идеи христианской морали и изображает Инквизитора как сознательного врага и противника Христа. Заповедь свободы, как показывает история, принадлежит к числу идей, наиболее трудно и неохотно усваиваемых человеком. Вот почему инквизитор всегда собирал и теперь еще собирает многих и многих. Нравственное насилие, насильственная добродетель, таковы заветы не только

⁶⁾ Ср. «Иван Карамазов как философский тип», стр. 99 и сл.

средневековых, но и новейших инквизиторов, с той впрочем разницей, что в соответствии общему смягчению нравов, костры заменились теперь запретительными и карательными законами.

Так как социальный идеал дает лишь масштаб для оценки социальных явлений, сам по себе он не связан еще ни с каким определенным конкретным содержанием, нахождение которого составляет самостоятельную задачу. И если социальный идеал представляется для социальной науки данным или заданным и, следовательно, в известном смысле сверх-научным, то при нахождении его конкретного содержания можно и должно пользоваться данными научного опыта во всей возможной полноте; конкретный идеал должен быть построен научно, и в этом состоит правда так наз. научного социализма. Согласно совершенно справедливому требованию Маркса, средства для осуществления идеала должны быть не выдуманы из головы, а найдены при помощи научного анализа действительности. Идеалистическая политика должна быть не утопической, а реалистической, идеализм в политике может и должен быть практичен. Логическая возможность и даже обязательность соединения идеализма с трезвым реализмом все еще недостаточно понимается, благодаря совершенно ошибочному и произвольному смешению идеализма с утопизмом, тогда как на самом деле между тем и другим нет ничего общего. Напротив, утопизм психологически скорее связан с позитивизмом вследствие того, что в последнем абсолютное ищется в относительном, между тем как в идеализме соблюдается правильная философская перспектива.

Социально-политический реализм, опирающийся на философский идеализм и принципиально противоположный беспринципной практичности и приспособлению, состоит отнюдь не в том, что идеал должен быть разменен на мелочи и влаться по земле. Требования реалистической политики, руководимой абсолютным идеалом, никоим образом не могут являться проповедью малых дел и отрицанием широких исторических и социальных задач. Конечно, всякая практическая деятельность состоит из малых дел, т.е. из отдельных разрозненных действий, но эти действия могут и должны рассматриваться в органической связи с великими историческими задачами, их оживотворяющими. Задачи эти являются историческими в том смысле, что они представляют собой не отвлеченные постулаты морали, а вполне конкретные и осуществимые требования реорганизации действительности в направлении идеала. Именно такие задачи, а не отвлеченные моральные принципы определяют программы политических партий, дают определенное содержание политической и социальной борьбе. Задачи эти могут, конечно, различаться между собой по своей широте и требовать для своего осуществления различного времени; если для проведения в жизнь какого-нибудь фабричного закона довольно одной парламентской сессии, то для коренной социальной реформы или политического освобождения страны требуется совокупная работа целого ряда поколений. Вполне возможно поэтому, что такая задача, не теряя своего исторического характера, по отношению к индивидуальной жизни отдельной личности играет роль лишь регулятивной идеи, определяющей направление деятельности, но целиком в нее не укладывающейся. Между конкретными историческими задачами существует поэтому градация по степени их широты и трудностей; чем глубже духовные запросы личности, тем шире те исторические задачи, с которыми она свою деятельность связывает. Широкие горизонты необходимы не только для глаза, но и для духа.

Идеал справедливости присущ каждому человеку. Нет такого человека, который стал бы восставать против справедливости как таковой, который сознательно хотел бы быть несправедливым и своих поступках. Нравственная природа людей одинакова и нет никаких причин делить человечество в этом отношении на овец и козлищ, только на основании факта их принадлежности к разным социально-экономическим и политическим группам. И в то же

время нельзя, кажется, найти двух людей, которые сходились бы в понимании конкретных требований справедливости во всех мельчайших подробностях, и все человечество, как известно, распадается в настоящее время на ряд партий или групп с различным, даже диаметрально противоположным, пониманием требований справедливости. Чем можно это объяснить?

Можно указать целый ряд причин, благодаря которым во имя единого идеала справедливости выставляются самые различные требования. Прежде всего нужно принять во внимание всю сложность социальной жизни и обусловленную этим возможность вполне искреннего и добросовестного разногласия, при оценке одних и тех же явлений; конечно, это разногласие не уничтожает центрального значения единого идеала справедливости, подобно тому, как научные разногласия не уничтожают единой истины, как идеала или нормы научного знания. Ярким примером такого искреннего и добросовестного разномыслия являются социально-политические воззрения Евг. Рихтера, вождя свободомыслящих с одной стороны, и социал-демократов — с другой. Идеал и Рихтера и Бебеля один и тот же — свобода личности; но один во имя этого идеала выставляет требования социализма, а другой, опасаясь возможности деспотического поглощения личности государством в социалистическом обществе, выставляет противоположную программу манчестерства. На почве различного понимания конкретных требований справедливости вообще ведутся принципиальные споры и принципиальная борьба. Возможность столь же глубоких и искренних разногласий существует и при оценке отдельных мероприятий, — малых и больших дел, из которых складывается социальная политика. Опыт показывает, что по каждому вопросу практического характера существуют бесконечные разногласия между социальными политиками, даже при полной общности руководящих идеалов: для примера достаточно привести разногласия по крестьянскому вопросу, по вопросу о рабочих союзах, кооперациях, парламентской деятельности и т.д., существующие в среде теперешней немецкой социал-демократии.

Третьей и, быть может, важнейшей причиной различий в понимании справедливости является роковая ограниченность человека, узость его духовного кругозора. Мировоззрение каждого человека складывается в зависимости от целой суммы индивидуальных условий, которые резко различаются для разных общественных групп. Предрасудки, всасываемые с молоком матери, воспитание, незнание многих сторон жизни, невольное и безотчетное приспособление мировоззрения к условиям жизни, естественная дань человеческой слабости, все это создает своеобразный душевный склад целых общественных групп, как принято говорить, классовую психологию. Для объяснения особенностей классовой психологии нет нужды сводить их на голый классовый интерес, не имеющий ничего общего с идеями справедливости; они совершенно достаточно объясняются на основании общего факта — эмпирической ограниченности человека, благодаря которой становится возможным различное понимание требований справедливости совершенно *bona fide*. Отдельный индивид в меру своих духовных сил и развития может ослабить или разорвать эту эмпирическую ограниченность своего мировоззрения, психологически деклассироваться. Не нужно однако забывать, что такая деклассация требует совершенно исключительных духовных сил, иногда героизма.

По всем указанным причинам, если бы люди руководились в своих поступках исключительно требованиями справедливости, как каждый их понимает, то и тогда между ними неизбежно существовала бы борьба, благодаря различию этого понимания и естественному стремлению каждого отстаивать свою правду, и на этой почве возникали бы междусобия и войны. Но над людьми имеют силу не только идеальные мотивы, представления о должном и справедливом, но и эгоистические побуждения и личные интересы. Крайняя нужда или хищнические ин-

стинкты, слабость воли или властолюбие, ненависть или лукавство, зависть или жадность, — словом, самые различные побуждения могут вызывать поступки, совершаемые или прямо вопреки требованиям справедливости, или еще чаще помимо соображений о них; создается привычка в целом ряде поступков руководиться эгоистическим инстинктом, вовсе не задаваясь вопросами о справедливости; относительно целых сторон жизни устанавливается своеобразный практический аморализм, — разумеется, у каждого по своему и в различных размерах. Сходство экономического положения и одинаковое благодаря ему направление личных интересов создает классовые или групповые интересы, играющие роль рычагов в социальной жизни.

Индивидуальная жизнь всякого человека представляет психологический клубок самых разнообразных мотивов, как идеальных, так и низменных, и определить, каким из них принадлежит большая роль в жизни человека, нет никакой возможности. Поэтому, между прочим, учение о доминирующей роли классового интереса, понимаемого в смысле эгоистического инстинкта, представляет собой, по меньшей мере, недоказуемое утверждение. Однако, если мы не в силах разгадать или усчитать мотивы поступков, то самые эти поступки, доступные непосредственному наблюдению, могут быть подвергнуты изучению и группировке. Как ни важно знание внутренних побуждений для моральной оценки, в целях социальной политики достаточно знания обычного образа действий отдельных лиц или социальных групп, какими бы мотивами он ни вызывался, для того чтобы иметь возможность практически считаться с ним. В рядах одной и той же политической партии несомненно найдутся люди, движимые самыми различными побуждениями, с разными убеждениями и душевным настроением; однако это различие погашается известным единством действия, соответствующего объективным целям партии, и это практическое единство позволяет игнорировать все остальные различия, как бы они ни были велики. Такое воззрение не грешит нравственным индифферентизмом и не является компромиссом, потому что партийная и социально-политическая группировка и по самой задаче берет не всего человека целиком, а лишь определенную сторону его деятельности, требует от него определенных поступков, не доискиваясь до их сокровенных мотивов. Партийная дисциплина не может и не должна идти дальше того, что безусловно необходимо в целях партийного действия, предоставляя во всем остальном полную свободу индивидуальности⁷). К сожалению, правильное понимание границ партийной дисциплины плохо прививается на практике.

Так как в жизни существуют стремления различные и даже диаметрально противоположные, то очевидно, что все они не могут представлять собой одинаково справедливыми, если у нас есть определенный идеал, свое понимание справедливости. Иначе нам пришлось бы перевернуть вверх дном всю логику и упразднить основные логические законы, прежде всего закон тождества, противоречия и исключенного третьего, и за-раз оправдывать черное и белое. Или же нам остается преступный и дряблый индифферентизм, отчизна хаоса и мрака, по прекрасному выражению Канта. Подходя к жизни с определенными требованиями и находя в ней рознь интересов и стремлений, которая от моей воли не зависит и потому должна быть мною принята как факт, я необходимо должен занять в ней ясную и недвусмысленную позицию, присоединившись к какому-либо из существующих течений или взяв свое собственное направление. Следовательно, всякая форма активного участия в жизни фатально, помимо нашей воли, втягивает нас в борьбу, ибо жизнь есть

борьба, и истина в ней не только соединяет, но и разделяет. Светлые праздничные ризы может сохранить только тот, кто уходит от жизни, а каждый жизнедеятельный человек надевает рабочий фартук или боевой панцирь, чтобы работать для своей правды или бороться за нее.

Поэтому конкретная сверхклассовая или общечеловеческая политика невозможна, она есть пустое место, в действительности существует лишь политика классовая, партийная или групповая, политика не соединения, а разделения и борьбы.

Но не впадаем ли мы в безнадежное противоречие сами с собой? Ведь сначала мы отрицали самостоятельные основы классовой политики и устанавливали общечеловеческий идеал социальной политики, а теперь приходим к выводу, что в действительности возможна только классовая политика, а общечеловеческая политика есть пустой призрак? Мнимое противоречие однако исчезнет, если мы обратим внимание на действительное значение обоих якобы противоречивых утверждений, из которых первое касается идеальной цели, а второе конкретных средств, ведущих к ее осуществлению. Остается по-прежнему бесспорным, что идеал социальной политики, критерий для оценки тех или других конкретных явлений и мероприятий дается идеей равноценности человеческой личности и естественных прав ее, отсюда проистекающих. Этим абсолютным требованием морали определяется направление, в котором должно совершаться общественное развитие. По отношению к этой абсолютной цели должны оцениваться все средства социальной политики, которые определяются в подробностях конкретными условиями. С этой точки зрения и классовая политика имеет идеальную ценность, не потому что она классовая, или что интересы данной социальной группы представляют собой нечто священное или предпочтительное сами по себе, но просто потому, что в данном случае эти требования совпадают с требованиями социальной справедливости, и связь эта чисто историческая, а не логическая. Требования социальных реформ, исходящие в настоящее время от рабочего сословия и в главных чертах совпадающие с классовыми его интересами, получают свою этическую ценность не в силу этого совпадения, а в силу того, что эти требования могут поддерживаться во имя интересов общечеловеческих, не чуждых и капиталистам, человеческому достоинству которых также не соответствует вольное или невольное положение эксплуататоров, во имя уничтожения классов и классовых интересов. Конечно, идеальные интересы человеческой личности при этом сталкиваются с материальными интересами данного субъекта, поставленного в известные внешние условия жизни, и на этой почве возникает борьба. Но в данном случае борьба является единственным путем к будущему, хотя бы и отдаленному миру, к миру, основанному не на малодушном примирении с неправдой, а на победном торжестве правды.

На высказанном основании, отрицая социально-философскую доктрину марксизма и исходя из совершенно других философских оснований, я по-прежнему остаюсь верен ему во всем, что касается основных вопросов конкретной социальной политики, отступая от него лишь в тех пунктах экономической доктрины, где последняя представляется мне ошибочной в силу аргументов специально-экономического характера (напр., в аграрном вопросе).

Теоретически мы различаем два идеала, дающие жизнь политической экономии: экономический⁸) и социальный. Конечно, в конкретной жизни не существует разделения между явлениями экономическими и социальными, возможного лишь в абстракции. В действительности требования экономические имеют и социальное значение и наоборот. Социальное освобождение силою вещей связывается и с освобождением экономическим, свобода от гнета со-

⁷) Само собой разумеется, известный этический минимум требуется и здесь, но он состоит, главным образом, в требованиях отрицательного, а не положительного характера.

⁸) Ср. предыдущую статью «Об экономическом идеале».

циального неотделима от свободы от нищеты. Однако, хотя требования социальной и экономической политики могут идти параллельно и сливаться до неразличимости, теоретически возможно их искусственное обособление и даже противопоставление. Каждый из двух идеалов политической экономии может быть превращен в «отвлеченное начало» и, односторонне развиваемый, привести к социально-политическому абсурду. В таком случае естественно ставится вопрос, что важнее и чем легче поступиться: свободой от нищеты или от рабства, свободой экономической или социальной? Дать удовлетворительный ответ на этот вопрос нет никакой возможности, как нельзя ответить, напр., на вопрос, какая смертная казнь предпочтительнее: через повешение или гильотинирование? На вопрос, что хуже, здесь приходится ответить: обе перспективы хуже. И экономическая, и социальная свобода составляют одинаково насущное, хотя и отрицательное условие развития человеческой личности. Справедливее поэтому считать оба идеала политической экономии равнозначными, за полным отсутствием каких бы то ни было оснований для того, чтобы отдать предпочтение тому или другому. Правильной политикой должна быть признана поэтому такая, которая уделяет одинаковое внимание интересам как социального, так и экономического прогресса. Этим требованиям, по крайней мере в идее, удовлетворяет социальная политика марксизма, которая сознательно стремится сообразовать интересы экономического прогресса с требованиями социальной справедливости. Пример одностороннего увлечения экономическим прогрессом дают буржуазные английские и не-английские апологеты, смотревшие на человека исключительно как на орудие производства богатств, и этому одностороннему аспекту подчинявшие свои социально-политические

требования. Это сопровождалось самым возмутительным бесчувствием к страданиям рабочего класса, несшего на своих плечах бремя накопления богатств. Пример противоположной крайности, — признание одних только требований социальной справедливости вне всякого внимания к требованиям экономического прогресса, — представляет доктрина опрощения Л. Н. Толстого. Возмущенный современными бедствиями и всеми социальными несправедливостями, Толстой предлагает простой и немедленный способ их уничтожения посредством опрощения и уничтожения разделения труда со всеми его последствиями. Помимо разнообразных и многочисленных возражений, которые легко сделать против этого учения, следует не забывать, что исполнение проповеди Толстого, уничтожив быть может рабство социальное, наверное повергло бы человечество в рабство экономическое, т.е. в безысходную нищету, которая при теперешней густоте населения легко могла бы привести к голодной смерти. Это как раз то, что немцы характеризуют как выплескивание из ванны вместе с водой и ребенка. Итак, требования экономической и социальной политики всегда должны быть согласуемы между собою, причем такое согласование в каждом отдельном случае является *questio facti*, иногда весьма трудно разрешимым. Но этот вопрос решается уже на основании данных, доставляемых эмпирической политической экономией, и выходит за пределы социальной философии.

Итак, здание социальной политики утверждается на двух основаниях, — на идеале экономическом и социальном, — и на фронтоне этого здания начертано одно слово, выражающее все содержание обоих этих идеалов, а следовательно и все задачи социальной политики, и это магическое слово — **с в о б о д а**.

ЮРИЙ АННЕНКОВ

Лев Троцкий

В «Зарубежье» № 4 (20) за декабрь 1968 г. нами была помещена глава о Ленине из книги воспоминаний художника Юрия Анненкова*). Этот материал о Ленине вызвал большой интерес среди наших читателей. В связи с этим мы помещаем еще одну выдержку из этой книги — главу о Троцком.

В середине января 1923-го года, в Петербурге, зашел ко мне на Кирочную улицу Корней Чуковский и сообщил, что из Москвы приехал Вячеслав Полонский с «важными заказами» для питерских художников и что он хочет со мной познакомиться. Полонский состоял тогда председателем Высшего Военного Редакционного Совета (ВВРС). Мы уговорились встретиться в тот же вечер у Чуковского, где я и познакомился с Полонским.

Речь шла об устройстве художественной выставки, посвященной пятилетию Красной Армии. Выставка эта должна была положить начало художественному отделу Музея Красной Армии. Полонский был уполномочен дать соответствующие заказы ряду художников. Что касалось, в частности, меня, то Полонский, рассказав о своем интересе к моим портретным работам, предложил мне исполнить портреты главнейших руководителей Реввоенсовета и — в первую очередь — Троцкого.

Мы тут же заключили договор и через несколько дней я приехал в Москву. Там в полдень (я только что успел привести себя в порядок с дороги) ко мне явился молодой

адъютант председателя Реввоенсовета с предложением сейчас же отправиться к Троцкому, который немедленно меня примет. В здании Реввоенсовета на Знаменке, поднявшись на второй этаж и пройдя по ряду коридоров с расставленными у дверей молодежьими подтянутыми часовыми, проверявшими пропуска с неумолимым бесстрастным видом, я очутился в приемной Троцкого. Огромный высокий зал был наполнен полумраком и тишиной. Тяжелые шторы скрывали морозный свет зимнего дня. На стенах висели карты Советского Союза и его отдельных областей, испещренные красными линиями. За столом у стены сидели четверо военных. Зеленый стеклянный абажур, склоненный над столом, распространял по комнате сумеречный уют и деловитость.

Как только я вошел в комнату, все четверо мгновенно встали и один из них, красивый и щеголеватый дежурный адъютант, поспешно подошел ко мне по малиновому ковру.

— Художник Анненков? — спросил он.

— Да, — ответил я, едва удержавшись, чтобы не сказать «так точно».

— Лев Давыдович вас сейчас примет.

Щеголеватый адъютант снял телефонную трубку и через несколько секунд снова обратился ко мне:

— Можете пройти в кабинет.

Он проводил меня до двери и слегка приоткрыв ее вполголоса прибавил:

— Налево, к окну.

Я вспомнил — у Толстого: «Затем князь Андрей был подведен к двери и дежурный шепотом сказал: направо, к окну. . »

*) Юрий Анненков. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Том второй. Изд. «Международное Литературное Содружество», Нью-Йорк 1966, 349 стр.

Проходя в кабинет я слышал, как за моей спиной военные снова садились в кресла.

✱

По рассказам, чаще всего злобным и язвительным, Троцкий¹⁾ был щупленький человек маленького роста («меньшевик», — острили про него). С меньшевиками Троцкий был в своей молодости действительно близок, но к его внешнему облику это не имело никакого отношения: он был хорошего роста, коренаст, плечист и прекрасно сложен. Его глаза, сквозь стекла пенсне, блестели энергией. Он встретил меня весьма любезно, почти дружелюбно, и сразу же сказал:

— Я хорошо знаю вас, как художника. Я знаю, что до войны вы работали в Париже. Я знаю ваши иллюстрации к «Двенадцати» Блока и у меня есть книга о ваших портретах²⁾. Я знаю также о вашем участии в «массовых зрелищах»³⁾. Надеюсь, что вы тоже слышали кое-что обо мне, и, значит, мы — давние знакомые. Присядем.

Мы сели. Троцкий заговорил об искусстве. Но — не о русских художниках. Он говорил о «парижской школе» и о французской живописи вообще. Он упоминал имена Матисса, Дерэна, Пикассо, но постепенно углублялся в историю. Особенно интересными были для меня довольно колкие замечания Троцкого о том, что французская революция никак не отразилась в искусстве.

— Разве в Давидовском «Убийстве Марата» — говорил Троцкий — есть что-нибудь от революции? Решительно ничего. Один анекдот: голый Марат в ванне. Разве знаменитая «Свобода, ведущая народ» Делакруа выражает сущность революции? Конечно, нет. Ребенок с двумя пирамидами, какой-то романтик в цилиндре, идущие по трупу, во главе с античной красавицей, обнажившей грудь и несущей трехцветный флаг? Романтический анекдот, несмотря на прекрасные живописные качества. Но в «Коронации Наполеона» тот же Давид сумел блестяще выразить всю торжественную бессмыслицу этого обряда... Портрет, пейзаж, мертвая натура, интерьер, любовь, быт, война, исторические события, веселье, грусть, трагедия, даже безумие (вспомним хотя бы «Сумасшедшую» Жерико) — все это получило свое выражение в живописи. Но революция и искусство — это единение еще не найденное.

Я возразил Троцкому, что революция в искусстве есть, прежде всего, революция его форм выражения.

— Вы правы, — ответил Троцкий — но это — революция местная, революция самого искусства, и притом — очень замкнутая, недоступная широкому зрителю. Я же говорю об отражении общей, человеческой революции в так называемом «изобразительном» искусстве, которое существует тысячелетия. «Тайная Вечера» — есть; «Распятие» — есть; даже «Страшный Суд» есть, да еще какой: Микельанджеловский! А революция? Революции я не видел. Картины, пишущиеся сейчас советскими живописцами, стремящимися «отобразить» революционную стихию, революционный пафос — нищенски недостойны не только революции, но и самого искусства...

Побеседовав минут двадцать, я стал прощаться. Троцкий сообщил мне, что завтра он уезжает к себе в «ставку», верстах в двадцати под Москвой, и что послезавтра будет там ждать меня для работы.

✱

С этой первой встречи Троцкий превращается для меня из «исторического персонажа» в живого человека и — еще скромнее — в «лично знакомого».

¹⁾ Лев Давыдович Бронштейн.

²⁾ «Юрий Анненков. Портреты». Текст Е. Замятина, М. Кузмина и М. Бабенчикова. Изд. «Петрополис», Петроград 1922 (см. главу о Е. Замятине).

³⁾ «Гимн Освобождения Труда», Петроград 1 мая 1920 г. и «Взятие Зимнего Дворца», Петроград 25 октября 1920 г. (см. главу о Н. Евреинове).

Через день, в условленный час, за мной прислали из Реввоенсовета машину и я отправился в «ставку», забрав с собой все необходимое для рисования. Ставка помещалась в богатейшем национализированном имении князей Юсуповых — Архангельское. Стояла сверкающая зима, снег и иней блестели под ярким солнцем. Около ворот имения стояли часовые. Увидев знакомую машину, они вытянулись во фронт и откозыряли, глядя на меня. Но еще в пути одна вещь меня удивила: по краям дороги, почти на всем расстоянии между Москвой и «ставкой», заржавленные каркасы броневых машин и разбитых орудий, воспоминания о гражданской войне, высывались из снежных сугробов. Прошло уже полных три года со времени боев (да и были ли они в этом Подмоскovie?). Иностранные дипломаты и военные представители часто ездили в «ставку» к Троцкому. Какое впечатление мог произвести на них подобный пейзаж? Как-то, в одну из наших бесед, я выразил Троцкому мое удивление по поводу столь мрачного и так легко упразднимого обрамления дороги.

— Стратегическая маскировка, — ответил Троцкий, — пусть пока капиталистам кажется, что у нас полный бедлам, что наша революция не более, чем временный местный кризис, вызванный военными неудачами и что иностранным капиталистам беспокоиться нечего. Вот и все. Тактика, товарищ!

И улыбнувшись добавил:

— Однако, в скором времени та же тактика потребует обратной маскировки. Когда станет ясным, что наш бедлам не прекращается, но географически расширяется, то нужно будет сделать так, чтобы капиталистическим странам стало страшно пойти против нас. И вот, принимая у себя представителей капиталистического мира, гниющего Запада, мы будем показывать им торжественные парады, силу нашей военной «мощи» и ее организованность, демонстрируя орудия и всяческие танки, купленные в том же гниющем Западе.

Такая «обратная маскировка» наступила уже при Сталине и распухает до сих пор с каждым днем до невероятных размеров. В обоих случаях «капиталисты» поверили, вследствие чего из года в год и продолжают терять свои позиции.

✱

Я бывал в «ставке» раз пять, если не больше, и два раза там ночевал. В роскошно обставленных комнатах я любовался произведениями Тьеполо, Буше, Фрагонара и других мастеров той же эпохи. Встречался я с Троцким также и в помещении Реввоенсовета, где познакомился и подружился с его заместителем на посту председателя Реввоенсовета Эфраимом Склянским, с которого мне тоже пришлось написать портрет, воспроизведенный в «Большой Советской Энциклопедии» 1926-го года, т. 2. В позднейших изданиях этой Энциклопедии всякое упоминание обо мне было выброшено.

В «ставке» я сделал три карандашных рисунка с Троцкого, в натуральную величину (бюсты), печатные воспроизведения которых появились впоследствии почти во всех странах (иногда даже без указания моего имени). В выпущенном Государственным издательством в 1926-м году огромном (56 х 49 см.) и прекрасно отпечатанном альбоме, озаглавленном «Юрий Анненков. Семнадцать портретов», Анатолий Лунчарский (тогда — народный комиссар просвещения) писал в своем предисловии к этой книге:

«Конструктивист возобладавал в Анненкове над реализмом. Это словно не портрет Троцкого, а рисунок, сделанный с какой-то очень талантливой гранитной статуи т. Троцкого. Нет, здесь уже нет ни капли ни доброты, ни юмора, здесь даже, как будто, мало человеческого. Перед нами чеканный, гранитный, металлически-угловатый образ, притом внутренне стиснутый настоящей судорогой воли. В профильном портрете, родственном известному монументальному анненковскому портрету т. Троцкого, к этому прибавилась еще гроза на челе. Здесь т. Троцкий

угрожающ. Анненков придал т. Троцкому люциферовские черты. Я, конечно, оставляю целиком на ответственности художника такую характеристику т. Троцкого. Я ведь здесь не его характеризую, а стараюсь передать на словах трактовку его Анненковым. А у этого художника — огромный диапазон».

Альбом содержит два портрета Троцкого, четыре портрета Г. Зиновьева и по одному портрету В. Мейерхольда, К. Радека, В. Антонова-Овсеенко, Э. Складанского, К. Ворошилова, В. Зофа, Н. Муралова, А. Енукидзе, М. Роя, а также А. Луначарского.

О своем портрете Луначарский писал в том-же предисловии:

«Смею добавить, что ни одно из моих изображений, какое я знаю, будь то рисунки или фотографии, не может быть даже сравниваемо с превосходным листом, который посвятил моей скромной особе художник».

Довольно длинное и чрезвычайно лестное «предисловие» Луначарского заканчивалось следующей фразой:

«Да, талант Юрия Анненкова и неподражаемая техника Гиза⁴⁾ преподносят не одному только нашему поколению такой прекрасный подарок».

Оптимизм наивного Анатолия Васильевича, увы, не оправдался. В 1928-м году, через два года после выхода в свет моего альбома, этот альбом был по приказу Сталина изъят в СССР из всех библиотек, магазинов и частных собраний и предан уничтожению, за исключением страницы с портретом К. Ворошилова, ставшего сталинским приверженцем. До следующих поколений мой альбом не дошел. Троцкий был убит, Мейерхольд погиб в тюрьме, Каменев расстрелян, Радек умер в тюрьме, Антонов-Овсеенко расстрелян, Зиновьев расстрелян, Складанский погиб при странных обстоятельствах, Зоф расстрелян, Муралов расстрелян, Енукидзе расстрелян. Во время сталинских «чисток», за исключением Ворошилова, только две из этих моих моделей уцелели: Луначарский, назначенный послом в Испанию, но не успев доехать туда скончавшийся на юге Франции, и Рой, представлявший в Москве, в центральном комитете 3-го Интернационала, индусскую коммунистическую партию, но сумевший вовремя выбраться из Советского Союза и вернуться в Индию, разойдясь со сталинской генеральной линией. Мне известны два толстых тома, написанных Роем: «*Revolution and Counter-Revolution in China*» (Renaissance Publishers, Calcutta, 1946, 690 страниц) и «*The Russian Revolution*» в том же издательстве, 1949, 632 стр.).

Портрет Роя, под названием «Голова индуса», был в 1937-м году приобретен у меня в Париже Русским (эмигрантским) Культурно-историческим Музеем при Русском Свободном Университете в Праге и воспроизведен в книге, посвященной этому музею («Русское искусство за рубежом», текст Вал. Булгакова и Алексея Юпатова, с предисловием Н. К. Рериха, Прага-Рига, 1938). Что стало с этим музеем (и с «Головой индуса») после советизации Чехословакии — мне неизвестно.

Сразу же после напечатания моего альбома я получил в Париже, через советское полпредство, пять авторских экземпляров и раздал их моим знакомым, среди которых были Б. Суварин, Анатолий де-Монзи (французский сенатор и министр просвещения), а также К. Раковский, тогда советский полпред в Париже. Не помню, кому я отдал четвертый экземпляр, пятый же экземпляр сохраняется у меня до сих пор. В 1956-м году, сразу после десталинизации, приезжал ко мне один американский библиофил и предлагал мне за него 600.000 (старых) франков. Я отказался продать альбом.

Вот письмо, полученное мною от Х. Раковского (впоследствии погибшего в сталинских застенках):

«Тов. Юрию Анненкову.

11-го октября 1926.
79, rue de Grenelle (VIIe).

Дорогой товарищ.

Искренно благодарю Вас — и от имени Ан. Георг.⁵⁾ — за великолепный альбом портретов. Еще раз я мог насладиться (к сожалению пока в репродукциях) Вашими замечательными работами, в которых безошибочность рисунка совпала с глубочайшим художественным трактованием психологии сюжетов.

Французский ученый Ланжевен⁶⁾, которому я показывал Ваш альбом, сделал одно замечание, которое интересно знать Вам, а именно, что увлечение кубизмом — в прошлом — было для Вас не бесполезным для передачи выражений лиц.

Скоро я поеду в Москву. По обратном приезде надеюсь, что Вы будете у нас с Вашей супругой, и не только на приемах, но и так, запросто, чтобы можно было свободнее покататься.

Жму Вашу руку.

Х. Раковский».

Раковский, румын по происхождению, получил свое образование во Франции, окончил медицинский факультет в городе Монпелье, где и остался в качестве доктора медицины. В студенческие годы он дружил с юным Анатодем де-Монзи и состоял вместе с ним в студенческой политической организации «коллективистов». Пришла большевицкая революция. Раковский говорил по-французски значительно лучше, чем по-русски. Но национальность — национальностью, а Интернационал — Интернационалом, и Раковский за его французский язык был назначен советским полпредом в Париж, где снова сдружился с де-Монзи, часто бывавшим в советском полпредстве. Однако, уехав в 1927-м году в Москву, Раковский, примыкавший к группе Троцкого, уже не сумел вернуться в Париж, и мне не удалось с ним «свободнее покататься». Впрочем и до его отъезда мы часто «калякали» довольно свободно (как и с первым советским полпредом во Франции, Леонидом Красиным, особенно в моей квартире).

Вторично вернувшись к имени Красина (см. главу о Маяковском), я добавлю здесь еще одно воспоминание о нем. Вскоре после приезда Красина в Париж, первое советское торговое представительство (торгпредство), помещавшееся в Париже на улице Пантьевр и возглавлявшееся Мдивани (впоследствии расстрелянным при Сталине), заказало мне портрет Красина. Он позировал мне на улице Гренелль три или четыре раза. Портрет был исполнен масляными красками и более, чем в натуральную величину. Это заставило меня очень долго работать, и я закончил портрет, когда Красин был снова вызван в Москву. Во время этого пребывания в Москве Красин был тяжело болен. Тем не менее, назначенный вскоре на пост полпреда в Лондон, Красин опять вернулся на некоторое время в Париж. Я послал ему на улицу Гренелль извещение о том, что портрет закончен, и получил в ответ следующее письмо, которое привожу здесь полностью:

«12 июня 1926.

Многоуважаемый

Юрий Павлович!

Я вполне согласен с Вами, что посмотреть портрет было бы лучше в Вашей мастерской, и так как я в Париже все равно должен быть 2 раза в неделю, то я мог бы с Л. В. и детьми к Вам заехать. Надо бы только знать в какой день и в какие часы осмотр для Вас причинит наименее неудобств. Затем вопрос высоты: если Ваша мастерская расположена выше 2-го этажа и лифта нет, то мне, пожалуй, трудно туда взбираться. Прошу иметь в виду также, что по вторникам и пятницам от 3 до 6 я бываю у своих врачей и после этих визитов должен сразу возвращаться к себе домой; следовательно, эти два дня выпадают, в остальные же будние дни мы могли бы к Вам заехать от 11

⁵⁾ Жена Х. Раковского.

⁶⁾ Поль Ланжевен, известный физик, атомист и последователь Эйнштейновской теории относительности.

⁴⁾ «Гиз» — Государственное Издательство.

утра и до 6-7 вечера. Сейчас у нас поставили телефон и можно было бы поговорить по телефону: «Montmorancy 10», вызывать надо Mr. или Mme Michailoff, под каковой фамилией известен телефон. Письма тоже адресовать: Mr. Michailoff, Villa Chataignier, Boulevard Briffault, Montmorancy⁷⁾.

Мы, вероятно, все лето пробудем в Montmorancy и таким образом в выборе времени надо считаться только с тем, как это Вам будет удобнее.

С товарищеским приветом,
Красин».

Моя мастерская находилась в первом этаже. Чтобы войти в нее, надо было подняться всего на одну низенькую ступеньку, отделявшую вход в мастерскую от земли. Я позвонил по телефону, поговорил с Михайловым (неожиданный псевдоним Красина), и он на другой день приехал ко мне с женой и с одной из своих дочерей. Усталость отметилась на его лице: болезнь сделала свое дело.

Портрет Красину очень понравился, но я не мог удержаться от желания сделать карандашный набросок с нового Красина. Он без возражений согласился и, углубившись в кресло, почти неподвижно просидел около сорока минут, принимая, впрочем, участие в наших общих беседах и выпив стакан апельсинового сока. Это было моей последней встречей с Леонидом Борисовичем. Вскоре, в том же году (1926), Красин скончался. Карандашный набросок (натуральной величины) сохраняется до сих пор у меня. Большой портрет дня через два после описанной встречи был перевезен в полпредство. Где он находится сейчас, мне неизвестно.

✱

Возвращаясь к Троцкому.

Наши беседы скользили с темы на тему, часто не имея никакой связи с событиями дня и с революцией. Троцкий был интеллигентом в подлинном смысле этого слова. Он интересовался и был всегда в курсе художественной и литературной жизни не только в России, но и в мировом масштабе. В этом отношении он являлся редким исключением среди «вождей революции». К нему приближались Радек, Раковский, Красин и в несколько меньшей мере Луначарский (несмотря на то, что именно он занимал пост народного комиссара просвещения). Культурный уровень большинства советских властителей был не высок. Это были очень способные захватчики, одни с идеологическим уклоном, другие — как Сталин — с практической «неуклонностью». Несовместимость интеллигентов с захватчиками становилась ясной уже в первые годы революции. Объединение и совместные действия этих столь разнородных элементов были только результатом случайного совпадения: рано или поздно они должны были оказаться противниками. И как всегда в такой борьбе, интеллигенции было предназначено потерпеть поражение. Если из междоусобной гражданской войны с прежним режимом Троцкий вышел победителем, то лишь потому, что это была война за идейную, идеологическую победу. Но когда наступила борьба за практическую демагогию, он как интеллигент неминуемо должен был проиграть.

✱

Однажды, когда я заработался до довольно позднего часа, Троцкий предложил мне переночевать у него в «ставке». Я согласился. Красноармеец постелил на удобном «барском» диване в кабинете чистую простыню, одеяло и положил подушку в наволочке с инициалами прежних хозяев имения. Почитав на сон газету, я загасил лампу и задремал, но сквозь дремоту вдруг расслышал неопределенный, затухающий шумок. Я приоткрыл глаза и увидел, как Троцкий, с маленьким карманным фонариком в руке, войдя в кабинет прокрадывался к письменному сто-

лу. Он старался не производить никакого шума, могущего меня разбудить. Но ходить на цыпочках; «на пальцах», как балетные танцоры, было для него непривычным и он терял равновесие, покачивался, балансируя руками и с трудом делая шаг за шагом. Забрав со стола какие-то бумаги, Троцкий оглянулся на меня: мои глаза были едва приоткрыты и я сохранял вид спящего. Троцкий с тем же трудом и старанием вышел на цыпочках из кабинета и бесшумно закрыл дверь.

Нужно было жить в обстановке тех лет в России, чтобы почувствовать всю неожиданность подобной деликатности со стороны вождя Красной армии и «перманентной» революции.

✱

В дальнейшем я часто встречался с Троцким в здании Реввоенсовета и... в национализированном доме Льва Толстого в Хамовническом переулке, где подготавливался музей писателя. В этом доме мне была отведена обширная комната, в которой я должен был исполнять монументальный портрет Троцкого (около четырех аршин в высоту и трех в ширину) и куда по этому случаю доставили огромный мольберт. Тогда же мне была выдана, за подписью Склянского, специальная карточка, разрешавшая завтракать и обедать в столовой Реввоенсовета. Никаких «Яров» и прочих ресторанов, с балалаечниками и цыганскими хорами, в Москве уже не было: они поспешно перебрались в Париж.

Как-то в коридоре Реввоенсовета посыльный, мальчик лет пятнадцати, одетый в красноармейскую форму, увидев Троцкого, встал во фронт и лихо щелкнув каблучками отдал честь. Улыбнувшись, Троцкий произнес:

— Здорово, мальчуган! Но ты должен знать, что честь отдают только тогда, когда на голове фуражка: это даже называется «kozyрять», «отkozyрять». А если голова, как сейчас у тебя, голая, то следует только становиться во фронт, руки по швам.

— Слушаюсь, товарищ Троцкий! — ответил мальчик, снова щелкнув каблучками и снова машинально козырнув. Испугавшись своей оплошности, мальчик воскликнул:

— Извиняюсь, товарищ Троцкий!

Троцкий засмеялся:

— Катись, катись! Ничего страшного!

— Так точно, товарищ Троцкий!

Руки мальчика, на этот раз, были по швам.

Я спросил у Троцкого, каким образом он ознакомился со всеми мелочами военных условностей? Он ответил мне довольно длинной тирадой, которую впоследствии я почти дословно прочитал в его книге «Моя жизнь», выпущенной уже за границей, в изгнании. Желая быть наиболее точным, я приведу здесь в качестве ответа выдержку из этой книги:

«Был-ли я подготовлен для военной работы? Разумеется, нет. Мне не довелось даже служить в свое время в царской армии. Ближе я подошел к вопросам милитаризма во время балканской войны, когда я несколько месяцев провел в Сербии, Болгарии и Румынии. Но это был все же общеполитический, а не чисто военный подход. Мировая война всех на свете приблизила к вопросам милитаризма, в том числе и меня. Но дело шло все же прежде всего о войне как продолжении политики и об армии как ее орудии. Организационные и технические проблемы милитаризма все еще отступали для меня на задний план...

«В парламентских государствах во главе военного и морского министерства не раз становились адвокаты и журналисты, наблюдавшие, как и я, армию преимущественно из окна редакции, только более комфортабельной... Но (...) в капиталистических странах дело шло о поддержании существующей армии, т.е. в сущности лишь о политическом прикрытии самодовлеющей системы милитаризма. У нас дело шло о том, чтобы смести остатки старой армии и на ее место строить под огнем новую, схему которой нельзя было пока еще найти ни в одной

⁷⁾ Монморанси — очаровательное предместье Парижа, где когда-то жил Жан-Жак Руссо.

книге. Это достаточно объясняет, почему к военной работе я подходил с неуверенностью и согласился на нее только потому, что некому было нынче за нее взяться.

Я не считал себе ни в малейшей степени стратегом... Правда, в трех случаях — в войне с Деникиным, в защите Петрограда и в войне с Пилсудским — я занимал самостоятельную стратегическую позицию и боролся за нее то против командования, то против большинства Ц. К. Но в этих случаях стратегическая позиция моя определялась политическим и хозяйственным, а не чисто стратегическим углом зрения. Нужно, впрочем, сказать, что вопросы большой стратегии и не могут иначе разрешаться».

— Вот и все, — добавил Троцкий, — я формировал нашу армию, а армия формировала Троцкого. Таким образом я постепенно освоился со всякой чепухой военщины, до маршировки и даже до отдания чести включительно.

Но, по существу, вся эта «чепуха военщины» была глубоко чужда Троцкому. Это происходило в эпоху, когда сорванные революцией погоны и эполеты считались символом свергнутого строя. Известный московский портной, имя которого я запомнил, одевавший до революции московских богачей и франтов, был поставлен во главе «народной портняжной мастерской», доступной, конечно, только членам советского правительства и партийным верхам. В этой «народной мастерской» был шит, с дипломатическими целями, «исторический» фрак наркома иностранных дел Г. В. Чичерина. Мне случайно довелось увидеть этот фрак еще в незаконченном виде и портной, подмигнув, сказал:

— Вот, полюбуйтесь: первый рабоче-крестьянский фрак!

Чичерин появился в нем впервые на международной конференции в Генуе в 1922-м году, и сильно разочаровал европейцев, ожидавших увидеть советского представителя в рабочей блузе или в фольклорной мужицкой рубашке.

Тот же портной одевал первых советских послов («полномочных представителей») и он же изготавливал военное обмундирование для высшего командного состава Красной армии. Между прочим: художник, автор первой красноармейской беспогонной формы, с суконным шлемом былинного стиля с красной звездой, был почему-то довольно скоро после этого расстрелян...

Когда все мои эскизы к портрету Троцкого были закончены и я должен был приступить к холсту, уже стоявшему на мольберте в доме Толстого, Троцкий, разговаривая со мной в Реввоенсовете, сказал полшутя, полусерьезно:

— А как же мне нарядиться для портрета? Позировать в военной форме мне бы не хотелось. Могли бы вы набросать что-нибудь соответствующее для нашего портного?

Я набросал карандашом темную, непромокаемую шинель с большим карманом на середине груди и фуражку из черной кожи, снабженную защитными очками. Мужичьи сапоги, широкий черный кожаный кушак и перчатки, тоже из черной кожи, с обшлагами, прикрывавшими руки почти до локтей, дополняли этот костюм. Вспоминаю, как во время одной из примерок я сказал:

— В этом нет ничего военного.

Троцкий улыбнулся:

— Но в этом есть что-то трагическое.

— Не трагическое, — ответил я, тоже рассмеявшись, — но угрожающее.

В этой «одежде революции» Троцкий позировал мне для своего четырехаршинного портрета. В этом же костюме Троцкий был снят рядом со мной правительственным фотографом. Этот снимок у меня сохранился до сих пор и в свое время (1923) оказал мне однажды неожиданную услугу. Я жил в Москве на Пречистенке (в здании Академии художественных наук), в первом этаже. Вход в квартиру был со двора, ворота которого наглухо закрывались на ночь, и у жильцов дома был ключ, которым открывалась калитка. Как-то ночью, возвращаясь домой, я обнаружил, что забыл ключ в квартире. Звонок, само собой разумеется, не действовал. Я подошел к окну моей ком-

наты и нажал на его раму. Окно распахнулось: по счастью оно не было заперто на задвижку. Обрадованный, я начал карабкаться на подоконник, чтобы перелезть в мою комнату, но чья-то рука схватила меня за плечо. Передо мной стояли два милиционера, которые потребовали у меня объяснений. Но рассказ о забытом ключе их не убедил.

— По ночам через окна порядочные не лазают! Предъявить документы!

Голос милиционера был неумолим. Ни «личной карточки», ни иных документов у меня с собой не оказалось, но в бумажнике нашлась моя фотография с Троцким. Я показал ее милиционерам. Они сразу же узнали «любимого вождя» и возвращая мне карточку один из них сказал изменившимся голосом:

— Ладно, лезьте!

— Молчи! — прервал его другой милиционер и повернувшись ко мне произнес:

— Мы приносим вам, уважаемый товарищ, наши извинения. Вы видели, как советская милиция бдительна.

Подтолкнув меня на подоконник и откозыряв, они твердым шагом удалились в бесфонарную ночную тьму тогдашней Москвы.

*

Последняя примерка костюма Троцкого происходила в его «ставке». Часов в 11 утра портной уехал в Москву. Я остался завтракать у Троцкого и должен был уехать только около 3-х часов пополудни. Перед моим отъездом Троцкий оглядел меня с головы до ног и заявил:

— Что же касается вашего собственного костюма, то он мне не нравится; в особенности ваши легкие городские ботинки: они вызывают во мне страх при теперешнем тридцатиградусном морозе. Я вас обую по-моему.

И он повел меня в особую комнату, служившую складом, полным всевозможных гардеробных подробностей: шубы, лисьи дохи, барашковые шапки, меховые варежки и пр.

— Это все подарки и подношения, с которыми я не знаю, куда деваться, — пояснил Троцкий, — пожалуйста, не стесняйтесь!

И он выбрал для меня замечательную пару серовато-желтых валенок на тонкой кожаной подкладке и с неизносимыми кожаными подошвами. Валенки были мне несколько велики и подымались почти до самого верха бедер. Мне казалось, что я обулся в легендарные семиверстные сапоги. Внутри валенок было выбито золотными буквами следующее посвящение:

«Нашему любимому Вождю, товарищу Троцкому — рабочие Фетто-Треста в Уральске».

— Прекрасно! Теперь мы сквитались и моя совесть очистилась! — улыбнулся Троцкий.

К барашковой тулупке, подаренной мне годом раньше К. Станиславским (см. гл. о Мейерхольде), прибавились теперь валенки Троцкого. Я сохранял их в моем шкафу как «исторические ценности» до самого отъезда за границу.

*

Писать портрет пришлось долго: 12 квадратных аршин. Весь верх картины, то-есть лицо, я вынужден был писать, сидя на складной лестнице. Троцкий позировал сидя в кресле, поставленном на столе. Он приходил очень точно в назначенный час, раза по три в неделю, и в моей мастерской переодевался в «одежду революции», хранившуюся здесь же, на вешалке.

В комнате висели два небольших фотографических портрета Толстого: один вероятно был ровесником Анны Карениной, другой был сделан лет за пять до трагической смерти Толстого. Когда приходил Троцкий, мы, конечно, говорили о Толстом. Преклонение Троцкого перед Толстым было нескрываемо. Троцкий рассказал мне, как в юности он находился под влиянием толстовского мироощущения и что «одна мужицкая рубашка графа Толстого стоит половины всего Тургенева».

Троцкий уходил, а я оставался наедине с портретом Толстого. Я не был ни суверен, ни очень застенчив. Но портреты Толстого меня почему-то смущали. Я постоянно оглядывался на них и всякий раз ощущал, что я работаю не в мастерской художника, а в доме Толстого. И вдруг мне припомнилась фраза Толстого, обрисовавшая мастерскую князя Нехлюдова, бросившего службу и решившего заняться живописью:

«В мастерской стоял мольберт с перевернутой начатой картиной и развешены были этюды».

Я осторожно снял со стены портреты Толстого, бережно положил их в ящик стола и приколот на стену мои этюды к портрету Троцкого. И сразу почувствовал облегчение. Вечером, уходя, я отколол мои наброски и снова повесил фотографии Толстого на прежние места. Так поступал я потом ежедневно. Работа значительно облегчилась

*

Во время сеансов мы много говорили о литературе, о поэзии (к которой Троцкий относился с большим вниманием) и об изобразительном искусстве. Могу засвидетельствовать, что среди художников тех лет главным любимцем Троцкого был Пикассо. Троцкий видел в формальной неустойчивости, в постоянных поисках новых форм этого художника — воплощение «перманентной революции», той самой «перманентной», которая принесла Пикассо славу и богатство, и которая стоила Троцкому жизни.

Однажды мы зашли в музей Щукина, находившийся в двух шагах от Реввоенсовета. Музей был национализован, и самому Щукину, который открыл Пикассо, открыл Матисса, — Щукину, создавшему в Москве бесценный музей новейшей европейской живописи, — этому щедрейшему Щукину была отведена в его доме находившаяся при кухне «комната для прислуги».

Троцкий задержался перед холстами Пикассо и я сделал с него набросок на фоне «Арлезианки» этого мастера.

*

Когда летом 1923 года портрет Троцкого был, наконец, закончен, Реввоенсовет организовал по этому случаю весьма торжественную однодневную его выставку для командиров Красной армии. Веселое, горланящее сборище крепкотелых молодцов, махорочных курильщиков, опьяненных недавними победами: будущие генералы и маршалы СССР. Среди присутствовавших были: Тухачевский (командующий 5-ой армией и Западным фронтом, в будущем расстрелянный Сталиным); Сокольников (командующий 8-ой армией и Туркфронтом, расстрелянный Сталиным); Смилга (член Реввоенсовета 5-ой армии, расстрелянный Сталиным); Уншлихт (член Реввоенсовета республики, расстрелянный Сталиным); Раскольников (командующий Балтийским и Каспийским фронтом. Покончил самоубийством в эмиграции, во Франции); Зоф (командующий морскими силами республики, расстрелянный Сталиным); Муралов (начальник Московского военного округа, расстрелянный Сталиным); Антонов-Овсеенко (начальник Политического управления Реввоенсовета республики, расстрелянный Сталиным) и другие, которых я забыл и которых, вероятно, ожидала та же участь. Дней через пять Тухачевский тоже позировал мне для карандашного портрета, находящегося у меня.

Ни Троцкого, ни его заместителя Склянского, в этот день не было в Москве: их представлял Вячеслав Полонский. В гуще этих трагических героев я был сфотографирован на фоне портрета Троцкого. Впрочем, в этой же гуще находились Ворошилов и Буденный, которые сумели уцелеть.

*

В январе 1923-го года Троцкий попросил меня сделать несколько иллюстраций к его «Приказу Революционного Военного Совета Республики к пятилетию Красной армии» (5 февраля 1923 года). Но вечером того же дня Полонский, передавая мне текст «Приказа», сказал, что все

рисунки должны быть сданы в типографию на другой же день утром. Я сделал их в одну бессонную ночь (что очень понравилось Склянскому, но что, несомненно, отразилось на качестве рисунков). «Приказ» вышел отдельным изданием, в красках, в пяти тысячах экземпляров. Вот несколько фраз из этого «Приказа», которые следовало бы запомнить всем политическим деятелям свободных стран и их «специалистам по советским вопросам», до сих пор еще верящим, что можно добиться «мирного сосуществования» с СССР путем каких-то международных конференций:

«Мировая коммунистическая партия задачей своей имеет перестроить весь мир, независимо от нации, расы и цвета кожи. Советская Россия — крепость мировой революции. Красная армия — щит угнетенных и меч восставших! Красная армия нужна нынче мировой революции».

«Молодые воины!... Учитесь на прошлом, готовьтесь к будущему... Красноармейцы, командиры, комессары! Склоним сегодня боевые знамена перед памятью погибших. Отдадим дань героическому прошлому, — не для успокоения, а для удесятеренной работы. Наш завтрашний день должен и будет славнее вчерашнего».

«Учитесь! Крепните! Мужайте! Готовьтесь!»

Под «Приказом» — подписи:

Председатель Революционного Военного Совета Республики: Лев Троцкий.

Заместитель Председателя Революционного Военного Совета Республики: Э. Склянский.

Главнокомандующий: С. Каменев.

Член Революционного Военного Совета Республики: С. Данилов⁹).

Начальник Политического Управления Революционного Военного Совета Республики: Антонов-Овсеенко.

Начальник штаба РККА: П. Лебедев⁹).

В то время все эти будущие жертвы были еще живы и занимали указанные здесь посты.

У меня до сего дня хранится этот редчайший документ. Более, чем редчайший. Через несколько месяцев, в 1924-м году, в томе «Советская культура» (изд. «Известий ЦИК и ВЦИК», Москва), в статье Ив. Лазаревского «Искусство советской книги», говорилось:

«Нельзя не указать на издание РВРС — Приказ РВРС от 5 февраля 1923 года, № 279, к пятилетию Красной армии, с рисунками Ю. Анненкова, едва ли не единственный в мире военный приказ, изданный при участии художника-графика».

*

Владимир Антонов-Овсеенко (партийная кличка «Штык»), совместно с Николаем Подвойским, командовал в день 25 октября большевистским переворотом, относясь к этому делу, как к искусству (следуя словам Маркса-Ленина). Разумеется, трудно поверит, что низкорослый, патлатый, очкастый Антонов-Овсеенко, бывший офицер царской армии, находился в этот день одновременно: в Смольном институте, в Петропавловской крепости, у здания городского телефона, у главного почтамта, на крейсере «Аврора», на Дворцовой площади, на отдаленной набережной при высадке кронштадтских матросов, на минном заградителе «Амур», в Зимнем дворце при аресте министров Временного правительства, в толпе на Троцком мосту, оберегая их от самосуда... Но в действительности было именно так. Недаром существуют легенды о ковresseмолете и о сапогах-семиверстках (уже упомянутых на этих страницах).

В молочном тумане над Невой бледнел силуэт «Авторы», едва дымя трубы. С Николаевского моста торопли-

⁹ Расстрелян Сталиным.

⁹ Расстрелян Сталиным.

во разбегались последние юнкера, защищавшие Временное правительство. Уже опустилась зябкая, истекавшая мокрым снегом ночь, когда ухнули холостые выстрелы с «Авроры». Это был финальный сигнал. Я присутствовал на Дворцовой площади в качестве неисправимого ротозея («живописец живет глазами», — сказал Рембрант или Фрагонар. Кажется Фрагонар, в своих впечатлениях о путешествии по Италии). Добровольческий женский батальон, преграждавший подступ к Зимнему дворцу, укрывшийся за дровяной баррикадой, был разбит. Дрова разлетались во все стороны. Я видел, как из дворца выводили на площадь министров, как прикладами били до полусмерти обезоруженных девушек и оставшихся возле них юнкеров...

*

В главе, посвященной Ленину, я уже говорил, что после взятия Зимнего дворца мне удалось пробраться в Смольный институт, где заседал Съезд Советов. Там, на трибуне, я впервые увидел Троцкого. Поверх довольно элегантного черного костюма на нем была надета распахнутая и сильно потасканная шинель дезертира. Троцкий говорил о победе:

— От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует (овация). Отдельные министры подвергнуты аресту. Другие будут арестованы в ближайшие часы (бурные аплодисменты). Нам говорили, что восстание в настоящую минуту вызовет погром и потопит революцию в потоках крови. Пока все прошло бескровно. Мы не знаем ни одной жертвы. Я не знаю в истории примеров революционного движения, где замешаны были бы такие огромные массы и которое прошло бы так бескровно. Обыватель мирно спал и не знал, что в это время одна власть сменялась другой...»

В этот момент в залу вошел Ленин.

Троцкий: — В нашей среде находится Владимир Ильич Ленин, который, в силу целого ряда условий, не мог до этого времени появиться среди нас... Да здравствует возвратившийся к нам товарищ Ленин! (Бурная овация).

Я убежден, что о «бескровности» переворота Троцкий говорил совершенно искренне: всю последнюю неделю он «заседал», «вырабатывал», «сносился по телефону», «подписывал», «руководил» — за письменным столом и «наблюдал восстание преимущественно из окна редакции». Кровь на площади Зимнего дворца видел я, то-есть обыватель, давно потерявший в те месяцы представление о том, что значит «мирный сон».

*

Мои встречи с Троцким продолжались на протяжении нескольких месяцев. В личной жизни Троцкий, несмотря на свою огромную популярность, оставался необычайно прост, приветлив и человечен. О кличках «наш любимый Вождь», «наш великий Учитель», «любимый Отец народов» и пр., которыми украшались коммунистические главари, Троцкий сказал мне по-французски:

— Stupide exagération!

И — по-русски:

— Пошлая, дурацкая театрализация.

В предисловии к книге «Моя жизнь», написанной уже в изгнании, в Турции, на острове Принкипо под Константинополем, Троцкий говорит (14-го сентября 1929-го года): «Я не могу отрицать, что моя жизнь не принадлежала к числу наиболее ординарных. Но причины этого следует искать скорее в обстоятельствах эпохи, чем во мне самом... Над субъективным встает объективное и, в конечном счете, это оно становится решающим».

*

Летом 1924-го года мой портрет Троцкого, вместе с портретом В. Полонского, который я тоже успел закончить к этому времени, были отправлены в Италию, на венецианскую международную художественную выставку, устраи-

ваемую там каждые два года («Biennale»). Я уехал туда же одновременно с ними. Портрет Троцкого был повешен на почетном месте в «центральной» зале советского павильона и воспроизведен на отдельной странице в книге Уго Неббиа «La XIV Esposizione Internazionale d'Arte della Città di Venezia», 1924. В том же году этот портрет был воспроизведен и в Москве, в книге «Советская Культура» (изд. «Известий ЦИК СССР и ВЦИК»). Троцкий был тогда еще Троцким, а не «Иудой» и не «бешеным псом преступного капитализма» — прозвища, данные ему вскоре Сталиным (Джугашвили) и ставшие в СССР обязательными. Упомянутый здесь Христиан Раковский, весьма порядочный и культурный человек, ценивший Троцкого, в свою очередь должен был опуститься на дно морального падения и опубликовать в «Правде» (21-го августа 1936-го года) следующее письмо:

«Не должно быть никакой пощады!

«Чувство безграничной и горячей симпатии к любимому вождю и учителю трудящихся масс, товарищу Сталину и его ближайшим сотрудникам, чувство безоговорочной политической солидарности и вместе с тем чувство глубокого возмущения против гнусных и презренных убийц — вот что испытал каждый из нас, прочитав сообщение Прокуратуры СССР от 15 августа.

«К этому всеобщему чувству у меня возникло чувство стыда, жгучего стыда за прошлую принадлежность к оппозиции, вожди которой превратились в контрреволюционеров, преступников и убийц...

«Для троцкистско-зиновьевских убийц, для организаторов покушения на жизнь любимого нашего вождя, товарища Сталина, для троцкистов — агентов германского Гестапо, не должно быть никакой пощады — их надо расстрелять!

Х. Раковский».

Это письмо, продиктованное исключительно страхом, не спасло, однако, Раковского: он тоже был арестован, объявлен Иудой и бешеным псом капитализма и приговорен к расстрелу. Расстрел ему, как и Карлу Радеку, был заменен пожизненным тюремным заключением, потому что оба они были полиглотами, а языковедов в те годы было очень мало в СССР. Радек и Раковский оказались весьма «полезными узниками», так как одного грузинского языка для Интернационала было недостаточно. Они окончили свои дни в тюремной камере.

Здесь полезно будет вспомнить и речь Никиты Хрущева, напечатанную в «Правде» 31-го января 1937-го года, того самого Хрущева, который в 1956-м году объявил «десталинизацию»:

«Злодеи-троцкисты готовили террористические акты против наших вождей. Падалью смердит от мерзких и низких выродков!

«Эти убийцы метили в сердце и мозг нашей партии. Они подымали руку на товарища Сталина, они подымали ее против нас всех, против рабочего класса, против трудящихся! Подымая руку против товарища Сталина, они подымали ее против всего лучшего, что имеет человечество, потому что Сталин — это надежда, это чаяние, это — маяк всего передового и прогрессивного человечества. Сталин — это наше знамя! Сталин — это наша воля! Сталин — это наша победа!

«Презренные главари и участники троцкистской банды понесли заслуженную кару. Троцкистская гадина в Советском Союзе раздавлена».

*

Какая судьба ожидала мой портрет Троцкого?

В 1954 году приезжал в Париж один видный «художественный деятель» Советского Союза, председатель Союза художников РСФСР и член-корреспондент Академии Художеств СССР. Он позвонил ко мне по телефону и сказал, что хотел-бы повидаться со мной. Мы встретились и в разговоре я, между прочим, спросил, где находится этот

портрет? Но если в 1926-м году в Советской Энциклопедии писалось, что «в героической композиции» моего портрета Троцкого «дана попытка передать романтику революции», то мой советский гость, посмотрев на меня с удивлением, сказал:

— Неужели вы не понимаете, что мы не можем выставить публично портрет Троцкого?

Я посоветовал москвичу побывать во французских музеях, где можно одновременно видеть портреты революционеров и их усмирителей, членов конвента и императоров, потому что эти картины являются не только политическими документами, но прежде всего произведениями искусства. Советский гость ответил с презрением:

— Гнилой Запад. Мы бы давно всех Наполеонов, даже Давидовских, выбросили в помойку.

*

Как я уже говорил, Троцкий знал и любил поэзию. Я приведу здесь выдержки из его предисловия к книге молодого (тогда) поэта А. Безыменского «Как пахнет жизнь» (1924):

«...Безыменский — поэт, и притом свой, октябрьский, до последнего фибра. Ему не нужно принимать революцию, ибо она сама приняла его в день его духовного рождения, нарекла его и приказала быть своим поэтом. Вместе со своим новым поколением Безыменский переживал революцию, проделывал ее, претерпевал ее в ее героических моментах, в ее лишениях, в ее жестокостях, в ее повседневности, в ее замыслах, достижениях, в ее величии и в трогательных, а подчас смешных и уродливых пустяковинах. Он берет революцию целиком, ибо это — та духовная планета, на которой он родился и собирается жить. Из всех наших поэтов, писавших о революции, для революции, по поводу революции, Безыменский наиболее органически к ней подходит, ибо он от ее плоти, сын революции, Октябrevич. Ему, Безыменскому, нет надобности планеты перекидывать, как колья. Ему не нужны космические размеры, чтобы чувствовать революцию... Безыменский умеет и в отделении милиции революцию найти».

Это, конечно, весьма элементарно и вполне в «партийной линии». Так мог бы написать любой коммунистический «литературовед». Но, искренне говоря, что другое можно было бы написать о Безыменском, второклассном подражателе Маяковского, уснащенного Демьяном Бедным? Что можно было бы написать о Безыменском, из-

бравшем в те годы линию наименьшего сопротивления, по всем извилинам которой он, правоверный «Октябrevич», продолжает идти до сих пор в рядах послушной советской поэзии? Разве в недавние годы Безыменский не дошел по этому пути к позорным публичным (устным и письменным) обвинениям Б. Пастернака в «измене советской литературе, советской стране, всем советским народам» и к публичным (устным и письменным) обращениям к советскому правительству с просьбой о «лишении Пастернака советского гражданства»?

Но предисловие Троцкого к книге Безыменского одновременно носит нескрываемый оттенок иронии: поощрительное обращение взрослого к ребенку. Рядом с этим предисловием, статья Троцкого о смерти Сергея Есенина (полностью приведенная мною в главе об этом поэте) должна, благодаря своей слубокой человечности, остаться в русской литературе тех лет и занять достойное место в биографии Троцкого. Вряд-ли кто-либо другой из «вождей» пролетарской коммунистической революции решился бы написать подобные слова, посвященные памяти поэта, покончившего с собой из-за неприятия революции, поэта, «несродного» революции.

Написанный в 1926-м году, этот некролог уже предсказывал роман Дудинцева «Не хлебом единым». Но говоря, что «в утробе нынешней эпохи скрывается еще много беспощадных и спасительных боев человека с человеком», Троцкий, наверное, не предвидел свою собственную трагическую смерть и не считал ее «спасительной» для человечества. Кроме того, этой фразой Троцкий отказывался от утешительных слов, произнесенных им в ночь на 26 октября 1917-го года, о «бескровности» революции. Разговор о «беспощадных боях» во имя «гармонического, счастливого, с песней живущего общества», является неискоренимым заблуждением многих революционеров. Бывший коммунист Борис Суварин писал: «Никто еще не смог серьезно мотивировать принесение в жертву живущих поколений ради гипотетического счастья будущих поколений». Суварин называет подобный идеализм «высшей абсурдностью». Он, конечно, прав. Но Троцкий был неизлечим и писал еще за несколько месяцев до собственной смерти:

«Жизнь прекрасна. Пусть будущие поколения очистят ее от всякого зла, от подавления, от жестокости и будут полностью наслаждаться ею («Diary in Exile»).

Троцкий поверил в необходимость «высшей абсурдности» смертносных боев за мир и счастье будущих поколений и пал ее жертвой.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ ДОЛГОРУКОВ

„Речь в защиту убийц Шингарева и Кокошкина“*

В «Зарубежье» № 2 (18) за июнь 1968 г. была помещена рецензия на воспоминания кн. Павла Дмитриевича Долгорукова «Великая разруха»^{*}). Эти воспоминания столь значительны по своему содержанию, что будущий историк русской революции без них обойтись не сможет.

Ниже мы помещаем небольшую выдержку из этой книги.

По выходе из Петропавловской Крепости я решил выступить на процессе убийц Шингарева и Кокошкина

защитником их. Но большевинство «убийц» не разыскали, а двух заточенных выпустили из тюрьмы без суда. Вот что я приблизительно сказал бы на процессе в защиту убийц.

Как и за что были арестованы Шингарев и Кокошкин? 28 ноября было назначено открытие Учредительного Соборания и мы трое, только что избранные членами его, накануне приехали из Москвы.

28 рано утром мы собрались у гр. Паниной и тут-то вместе с ней и были арестованы и перевезены в Смольный. Гр. Паниной инкриминировался отказ ее, как бывшего товарища министра народного просвещения, выдать 70.000 рублей казенных денег большевицкой власти.

^{*}) Кн. Павел Дмитриевич Долгоруков. Великая разруха. Мадрид 1964, 459 стр.

Как арестовавший нас комиссар Гордон высказывал предположение, что мы соучастники сокрытия денег, так и на кратком допросе в Смольном Красилов все время попытывался об этих деньгах и о причине нашего пребывания у Паниной. Мы трое в Петрограде с середины лета не были, а о том, что мы члены Учредительного Собрания, Красилов не знал. Казалось, недоразумение с нашим арестом вполне выяснилось. На вопросы же Красилова о наших политических убеждениях мы отвечать отказались, протестуя против ареста народных представителей, как лиц неприкосновенных.

Скоро Панину увезли в Кресты. После этого было вполне вероятно, что нас троих отпустят. Мы даже условились между собой, что в таком случае мы будем требовать нашего ареста и заключения до освобождения Паниной, чтобы выразить протест против ее ареста. Но часы проходили за часами и мы томились, одцепленные красноармейцами. Один из служащих по нашей просьбе узнал, что наше дело обсуждается самим Советом Народных Комиссаров. Наконец около часа ночи нам прочли декрет, подписанный Троцким, Лениным, Бонч-Бруевичем и прочими народными комиссарами, объявляющий нас, как руководителей партии народной свободы — «врагами народа» и «состоящими вне закона». На основании этого декрета мы были заключены в Петропавловскую Крепость и преданы военно-революционному суду.

Кто же были убитые впоследствии «враги народа»?

Во-первых, они были оба тяжело больные, которым уже одно пребывание в холодных, сырых казематах Крепости могло угрожать смертью. У чахоточного Кокошкина были сильно поражены легкие, у Шингарева, только что потерявшего жену, была мучительная хроническая болезнь печени.

Враг народа Кокошкин, болезненный и хрупкий, был человеком науки, в действиях ни революционных, ни антиреволюционных не мог принимать непосредственного участия. Но известный в Европе государственик, профессор государственного права, он был действительно врагом бесправия, произвола и деспотии. Кабинетный ученый, член губернской земской управы, член первой Думы, выдающийся публицист-передовик серьезной газеты, — откуда он мог быть известен и страшен этим матросам и красноармейцам, сидящим на скамье подсудимых? Им указал на него декрет 28 ноября.

Враг народа Шингарев, которому предлагали остаться при университете, отказался от науки, отказался даже от звания земского врача, чтобы вольным сельским врачом пойти в народ. И тысячи воронежских крестьян повалили лечиться к нему за назначенный им пятикопеечный гонорар. Они ли, воронежские крестьяне, подбили обвиняемых убить своего врача? Кто указал на него? И какого народа он был врагом?

Оба бессеребрянники, все здоровье, всю душу свою они отдали русскому народу, и на обеспечение осиротелых семей после убийства их пришлось собирать деньги по подписке.

Как только Шингарев и Кокошкин были перевезены из тюрьмы в больницу, обвиняемые ворвались к ним и застрелили их ночью, больных, истощенных тюрьмой, только что заснувших в тепле, на мягких кроватях. Потом они смеясь рассказывали, как один из убиваемых, проснувшись, крикнул: «Братцы! Что вы делаете?» и в смертельном ужасе щелкал зубами!

Какой ужас! Какое озверение! От этого убийства содрогнулись не только в России, но и в Европе, несмотря на ужасы войны.

И я, друг убитых и товарищ их по заключению, взялся защищать их убийц?! Оправдать это убийство нельзя, но необходимо разобраться, кто истинные убийцы и кто явился лишь слепым орудием в их руках.

Ведь лиц «вне закона», «врагов народов» преследовать и убивать может каждый. В этом видят даже заслугу, как и в истреблении хищных зверей.

Есть охотничий закон, оберегающий безвредную и полезную дичь и разрешающий всем истреблять в течение целого года всякими способами вредных животных. И эти последние находятся все охотничьего закона, как враги человека. Земства назначают денежные премии за уничтожение этих животных. Убивший их приносит в земскую управу хвосты или шкуры их и получает соответствующее вознаграждение. И обвиняемые убийцы «врагов народа», изъятых из-под защиты закона, в слепом повиновении призыву вождей своих, сделавши свое ужасное дело, имели бы право войти в комнату Совета Народных Комиссаров и с торжеством выкатить перед ними на красное сукно головы врагов народа — Шингарева и Кокошкина и требовать награды по заслугам, ожидать за свой подвиг многотысячной награды или производства в наркомы, главковерхи. И вместо этого — тюрьма, предание суду.

С чувством ужаса встретил я обвиняемых Басова и Куликова в коридорах Трубецкого бастиона. Через несколько дней после убийства я слышал их голоса, проходя мимо их камер. И, сидя в своей камере, рядом с опустевшей камерой Шингарева, я старался вникнуть в их психологию. Не были ли они удивлены, озадачены своим заточением? Я представлял себе их возмущение. Не считали ли они, народные «герои», это предательством? Они ведь послушались призыва своих вождей, а те их предали.

Кроме Иуды-предателя не особенно лестную репутацию в истории человечества заслужил и Пилат. Но тот старался защитить Обвиняемого и лишь по слабости предал Его толпе, умыв руки. Здесь же слабости не заметно. Здесь сначала сами распалили толпу, сами указали ей на невинные жертвы и натравили ее на них, признав их «вне закона» и «врагами народа», а после их убийства тоже умыли руки. Бонч-Бруевич, скрепивший декрет 28 ноября, сейчас же полетел в часовню Марининской больницы и «в ужасе отшатнулся от трупов Шингарева и Кокошкина», сам распоряжаясь производством следствия. Ленин, первый подписавший декрет, распорядился всех «поставить на ноги и совершенно немедленно» расследовать преступление, «опозорившее» великую социальную революцию.

Действительно ли они ужаснулись содеянного злодеяния, раскаялись ли они в своих действиях? По всему последующему не заметно этого. Кого же обманет это умовение рук? К чему плеснули они водой на свои кровавые руки?

И теперь, вы, революционные судьи, судите этих слепых, обманутых людей за то, что они вняли призыву своих и ваших вождей. Но, увы, миллионы несознательных и темных русских людей слепо идут за этими вождями. Это лишь наиболее рьяные и беспрекословные исполнители их велений, наиболее добросовестные чтецы их декретов, это «краса и гордость революции»!

Трудно не отшатнуться в ужасе от трупов Шингарева и Кокошкина, трудно и оправдать их убийц. Но вы должны разобраться в степени их виновности и, разобравшись, вы должны признать, что главные, наиболее сознательные убийцы Шингарева и Кокошкина это те, кто подписал декрет 28-го ноября.

А если это так, то судебная власть, заточившая в тюрьму этих слепых исполнителей предначертаний свыше, власть обвиняющая и судящая их, если бы она была независима, должна была бы вынести постановление о привлечении к суду и главных виновников убийства. Иначе — ваш суд — не суд, а классовая и политическая расправа, где под личиной суда и правды царит месть и бесправие.

ПАМЯТИ РАТКО ОБРАДОВИЧА

17-го апреля 1969 года на одной из мюнхенских улиц было совершено злодеяние: был убит югославский политический эмигрант, публицист и общественный деятель Ратко Обрадович.

После окончания второй мировой войны, еще будучи студентом, покойный ушел в эмиграцию и обосновался в Мюнхене. Он был одним из основателей югославского эмигрантского печатного органа — газеты «Искра» (начала выходить в 1947 году) и занимал должность заместителя главного редактора газеты. В последние годы покойный заведовал также типографией «Искры».

Ратко Обрадович был человеком глубоко верующим и боролся против всех разновидностей тоталитаризма, считая его величайшим злом человечества. Но оружием покойного было перо и слово, а не пистолет. Оплакивать покойного остались, кроме вдовы и двух малолетних детей, его многочисленные друзья и почитатели.

От себя же мы скажем: мир праху хорошего, честного и идейного человека.

Редакция

ОЛЕГ ПАНТЮХОВ. О ДНЯХ БЫЛЫХ. Семейная хроника Пантюховых. Изд. Durand House. MAPLEWOOD. N. J. 07040. P. O. Box 162. 1969 г., 8°, 315 стр., 52 фотографии. Цена с пересылкой: 7 дол. 50 ц. (В Западной Германии — 30 марок).

Мемуарная литература — один из важнейших источников для историка, особенно для историка культуры и быта. Ценность ее и значение возрастают — как достоинство хорошего вина — со временем, по мере того, как в памяти современников стираются многие подробности пережитого и виденного, а новые поколения и вовсе не знают того, что пережито их отцами и дедами. Правда, официальные акты и документы суть исторические источники высокой ценности, но они отражают в себе только голые факты, но не «дух жизни». В них нет — и не может быть — личного подхода к фактам и их объективной оценки, а потому в них не отражается индивидуальная реакция и восприятие происшедшего, как у личности. А ведь из личностей складывается и семья, и среда, и даже народ. К тому же официальные документы неизбежно однобоки: учреждения и лица их издающие, вполне естественно, издают только то, что служит их интересам. От этого не свободны (как исторические ни ценны) мемуары тех, кто «делает мировую историю», и историков, использующему такой материал, приходится учитывать известный «коэффициент необъективности»: самооправдания или осуждения, или, наконец, эгоцентризма.

Этого нет в книге «О днях былых»; историк русского быта и русской духовной культуры может пользоваться этой книгой без всякого «коэффициента».

Самое ценное в этих воспоминаниях (помимо сообщаемых фактов) — это непосредственность, искренность и теплота повествования, именно то личное, сквозь призму которого воспринимаются все описываемые события, как личной, так и государственной жизни. Как гвардейский офицер (к моменту революции — в чине полковника Гвардии-Лейб 1-го стрелкового Его Величества полка), автор имел неоднократно случай говорить с императором и с другими высокостоящими лицами и передает в своих воспоминаниях именно то, как он, автор, воспринимал эти встречи. Передает просто, «не мудрствуя лукаво», но не по внушению каких-либо политических идей, не ставя себе целью что-либо подчеркнуть — ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Он просто рассказывает. А потому, несмотря на то, что это личные воспоминания, получается живое впечатление объективности. Это особенно ясно чувствуется в рассказе об известном боевом выстреле по Зимнему Дворцу во время крещенского парада в 1905 г., свидетелем которого был автор.

Олег Иванович Пантюхов много путешествовал и по России, и по Европе, еще до 1-ой мировой войны; он хорошо знал Петербург, Москву, Киев, Кавказ, Крым. Просто, без пафоса рассказывает он о своем участии в 1-ой мировой войне (в которой он был контужен), затем о событиях 1917 года, и наконец об эвакуации Крыма и уходе в эмиграцию — вплоть до прибытия в Соединенные Штаты Америки.

От воспоминаний О. И. Пантюхова веет непередаваемым словом духом быта коренной русской, крепкой, высоко-культурной семьи и лучшей во-

енной среды — начиная с первых шагов в кадетском корпусе; чувствуется коренная духовная культура русского быта последних двух десятилетий прошлого века и начала нашего столетия, и затем — все ускоряющееся распатывание этих культурных устоев и их крушение.

О. И. Пантюхов далеко не рядовой мемуарист. Его имя вошло в историю воспитания русского юношества. У него большая культурно-историческая заслуга: он является основателем скаутского движения в России, быстро охватившего русское юношество во всей России, и после разгрома этого движения в СССР не теряющего своего значения в эмиграции. Олег Иванович получил звание «Старшего Скаута России» (впоследствии, в эмиграции, изменено в «Старшего Русского Скаута»). О возникновении у него идеи применения английской идеи Баден-Пауэля «Скаутинг» к русским условиям, и о претворении этой идеи в дело, подробно рассказывает в книге «О днях былых».

В краткой рецензии нет возможности перечислить все то, что невольно захватывает читателя при чтении этой книги и живо, действительно переносит его «в дни былые». Как то поколение, которое успело еще в сознательном возрасте узнать жизнь в России до того, как от нее отняли ее историческое имя, превратив его в СССР, — так и то поколение, которое выросло или родилось в эмиграции, почерпнут из книги много полезного: одни для утверждения, другие для образования, а быть может и переоценки своего мировоззрения и бытопонимания. Нужная книга.

В заключение (или как эпиграф) автор мог бы со спокойной совестью поставить слова Пимена из пушкинского «Бориса Годунова»:

«Не даром многих лет свидетелем Господь меня поставил».

И. Гарднер

ХРОНИКА

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

● 22-го мая в Париже состоялся большой духовный концерт православного русского молодежного хора в Париже. Этот смешанный хор состоит из 45 человек молодежи и образцово подготовлен опытным хоровым педагогом Евг. Ив. Евцеком, регентом собора на Рю Дарю. Программа была составлена из произведений Архангельского, Бортнянского, Гарднера, Дегтерева, Ипполитова-Иванова, Кастальского, Римского-Корсакова, Смоленского (стихиры Пасхи), Турчанинова, Черепнина и П. Чеснокова. Концерт имел исключительный успех. Устроен он был в одной из древнейших больших французских церквей Парижа и собрал многочисленную публику, французскую и русскую, наполнявшую храм. Концерт был дан в пользу православного русского храма-памятника в Мурмело-

не на Марне, на месте ожесточенных боев во время первой мировой войны, в которых пало много русских воинов из присланных на подмогу Франции русских воинских частей.

Русский молодежный хор в Париже можно считать самым лучшим русским хором в Западной Европе в данное время, как с точки зрения музыкально-технической, так и со стороны репертуарной. С этой стороны этот хор можно назвать передовым.

● В музее Родэна в Париже в марте и апреле с. г. состоялась выставка произведений русского скульптора Александра Архипенко, скончавшегося в 1963 г. в Нью-Йорке. Архипенко был первым художником, порвавшим с академической скульптурой. По характеристике Ю. Анненкова: Архипенко воздвиг пер-

вый камень новой скульптуры, скульптуры XX века. В музее Бодэна были выставлены 78 скульптур, 6 рисунков и 20 литографий и офортов.

● 21 марта в Париже состоялся вечер, посвященный творчеству А. Солженицына. Открывая собрание, председатель Союза русских писателей и журналистов Б. К. Зайцев отметил тяжелую судьбу Солженицына. Г. В. Адамович в своем докладе сказал, что пророчествам, предсказывающим гибель большой русской литературы, после появления произведений Солженицына, нет места. Творчество Солженицына — это вера в пробуждение совести у человека. К. Д. Померанцев указал на то, что «мир» Солженицына нельзя назвать ни религиозным, ни христианским, но атмосфера, в которой живут и страдают его герои, способствует проникновению мира духовного в мир материальный. В. В. Вейдле отметил большой талант и гражданское мужество Солженицына. С. П. Жаба остановился на духовной стороне творчества Солженицына, обратив особое внимание на рассказ «Пасхальный Крестный Ход».

● С 1 апреля по 15 июня в «Центре русско-го балета имени Дягилева» в Монте-Карло, проходили испытания детей от 7 до 11 лет, желающих поступить в балетную школу Центра. Подготовка в балетную группу первого класса проводится бесплатно под руководством Алисы Никитиной. За справками просит обращаться по адресу:

Mme Nikitin, Centre du ballet russe Diaghilev, 6, Bd. d'Italie, Monte-Carlo.

● В Лиссабоне будет поставлен балет «Жар-птица» Стравинского. Хореография Сергея Лифаря.

● Профессор В. И. Ильин прочел 28 апреля в Париже свою первую лекцию весеннего курса на общую тему: «Религиозно-метафизические мотивы в русской литературе и философии». В. И. говорил о начале философского мышления в России в XVIII веке, народничестве и марксизме в XIX веке и борьбе с просветительской философией. Вторая лекция состоялась 5 мая.

● В русско-швейцарском клубе в Цюрихе 23 марта состоялся доклад о. Федора Богача о русских монастырях на св. горе Афонской. Основная часть доклада была посвящена описанию жизни наших немногочисленных иноков.

● 9 марта в Брюсселе профессор П. Е. Ковалевский прочел доклад на тему: «Происхождение русского народа и развитие русского языка».

● Общество «Наука и искусство» в Сиднее (Австралия) организовало свой первый вечер в 69 году. Вступительное слово сказал председатель общества Л. Д. Страновский. Были прочитаны следующие доклады: «Русская философия» — о. Ростислав Ган, «Изумительные явления в природе» — М. И. Никитин. С художественным чтением и декламацией выступили поэтесса С. М. Никитина и артистка М. Б. Страновская.

● Русский ученый Борис Васильевич Скворцов уже 5 лет работает, по заданию Государственного Ботанического Института в Сан-Пауло (Бразилия), над изучением жгутиковых. За это время Борис Васильевич описал около 1000 новых видов, 200 новых родов и пять новых классов этих микроскопических организмов.

● 23-го марта на собрании РОВСа в Русском Доме в Брюсселе были прочитаны следующие доклады: поручик Я. Я. Колдаев —

«Первый поход и зарождение «Белого Движения Востока» и есаул А. И. Птушенко «Казачи в Белом Движении».

● В очередном номере «Живой Газеты» от 20 апреля с. г., издающейся в г. Аделаиде (Австралия), выступили с докладами и статьями: гг. Г. П. Калининская — «О Современном образовании детей» (содокладчик Е. П. Виноградова); политический обзор последних событий — П. П. Калиновский, «Что мы ожидаем от наших пастырей» — Н. Н. Лобачевский, «Джилас предостерегает Запад» — В. Г. Собович, «Иностранная и местная печать» — Г. С. Филатов, «Подпольная литература в школах» — Н. Н. Доннер. В заключение были прослушаны две музыкальные вещи в исполнении Г. Д. Котека (запись на звуковой ленте): «Я вернусь» и «Письмо Есенина». После программы редактором газеты Н. Н. Лобачевским была проведена беседа относительно пожеланий постоянных слушателей газеты.

● Официальное представительство русской колонии в Канаде «Объединение русских этнических организаций», сокращенно «ОРЭО», добивается у канадских учреждений разрешения и предоставления необходимых кредитов на постройку «Русского дома», в котором будут жить русские пенсионеры, инвалиды и неработоспособные. В «ОРЭО» уже поступило около 80 заявлений будущих насельников этого дома.

● Русская академическая группа в Канаде добилась присуждения русской библиотеке имени А. С. Пушкина правительственной субсидии. Благодаря этому библиотека располагает сегодня всеми новинками русской литературы.

● Стараниями «Союза офицеров участников войны на Французском фронте» в архивах французского военного министерства найден кинофильм, посвященный Русскому Экспедиционному Корпусу первой мировой войны во Франции. Там же найдены многочисленные отдельные фильмы, снятые на русском фронте. Союз офицеров постановил из этих фильмо-отрывков создать новый фильм, который должен быть готов к осени этого года.

● В субботу, 30 марта с. г., в Париже состоялось очередное Годовое Общее Собрание Обще-Кадетского Объединения во Франции. После докладов Председателя Объединения, Казначей Правления и Председателя Ревизионной Комиссии, были произведены выборы Председателя и двух Вице-Председателей на три года. Избраны: Председателем Объединения — А. А. Геринг (Первого к. к.); Вице-Председателями: А. А. Левицкий (Орловского к. к.) и А. Д. Шмеман (Версальского к. к.). На 1969 г. — членами Правления: Г. М. Аустрин, В. Н. Василенко, А. К. Непрежский, Н. И. Широ (Киевского к. к.), Ю. А. Карпов (Пажеского Е. И. В. к.) и М. И. Селиверстов (Первого к. к.). В Суд Чести: Е. В. Трикоза (2-го Московского к. к.), В. А. Григоренко (Киевского к. к.), Н. В. Главацкий (Суворовского к. к.), Н. А. Звонников (2-го к. к.), Г. Ф. Танутров (Тифлисского к. к.) и С. И. Ковалевский (Корпус Императора Александра II). В Ревизионную Комиссию: А. В. Шиловский (2-го Московского к. к.), Д. Г. Лучанинов, Д. П. Чаплыгин (Первого к. к.), М. А. Лебедев и С. Н. Сементовский (Киевского к. к.).

● В связи с истечением в этом году атаманских полномочий донского атамана проф. Н. В. Федорова, Донской Войсковой Совет постановил на своем собрании 15 марта с. г., в доме памяти атамана ген. Краснова в Лейквуде (США), в 1969 г. провести выборы ново-

го атамана. В выборах имеют право участвовать все казаки и казачки, достигшие 18-летнего возраста. При Совете образована Контрольная Комиссия которая будет руководить выборами. Переписку по делам выборов просит направлять по адресу:

Mr. E. A. Samsonov, Gen. Krasnoff Fond, 14 Ford Road, Lakewood, New Jersey, 08701 U.S.A.

● Брюссельский отдел союза ревнителей священной памяти государя императора Николая II сообщает, что им издается долгоиграющая пластинка, передающая единственную с оригинала запись торжественного отпевания мученически убиенной царской семьи и всех жертв коммунистического террора, лишенных церковного погребения. Отпевание состоялось в Брюсселе 17-го июля 1968 г. в связи с 50-летней годовщиной Екатеринбургского злодеяния. Весь чистый доход от продажи пластинок поступит на благолепие и украшение Храма-Памятника Святого Иова Многострадального в Брюсселе, сооруженного в память Царя-мученика и его семьи, в котором заупокойная служба была совершена собором архиепископским чином. Нумерованные пластинки выпускаются в строго ограниченном количестве и будут высылаться по востребованию. Заказы и стоимость пластинок следует направлять по адресу:

Цена отдельной пластинки, включая стоимость заказной пересылки: 275 бельг. франков для Бельгии, 300 бельг. франков для остальных европейских стран, 6,50 долларов США для всех вне-европейских стран (за исключением Австралии), 7,50 долларов США для Австралии.

Union des Fidèles à la Mémoire de l'Empereur Nicolas II. Compte A/92/299. Banque de Bruxelles S. A. Agence Observatoire, 64 av. Houzeau. Bruxelles 18. Belgique.

● Объединение бывших воспитанников и воспитанниц Харбинских Коммерческих училищ Китайской Восточной Железной дороги в Сан-Франциско (США) выпустило очередной ежегодный альманах под редакцией бывшего преподавателя этих училищ Н. П. Автономова. В журнале помещены следующие статьи: Н. В. Борзов — «Из давнего прошлого ХКУ и Харбина», А. Г. — «Картинки природы и быта по линии КВЖД», а также статьи Н. П. Автономова, В. Н. Жернакова и С. Н. Борзовой, посвященные русской культурной жизни и выдающимся русским людям Харбина.

● Русские скауты-разведчики отметили в этом году свое шестидесятилетие. В день 30 апреля во всех скаутских отделах Северной Америки, Южной Америки, Австралии и Европы были совершены торжественные молебны и проведены сборы. Ко дню своего юбилея Национальная Организация Русских Скаутов издала отлично составленный и богато иллюстрированный Юбилейный Сборник под заголовком «Русские Скауты». Этот сборник будет интересен также и дружественной организации Русских Юных Разведчиков и всей нашей русской молодежи. Мы можем пока передать лишь вкратце содержание этого юбилейного Сборника: История русского скаутского движения; перечисление русских городов прежней России и городов в изгнании, где были и где сейчас находятся отряды и дружины русских скаутов; сведения об их деятельности; рассказы и очерки из жизни русских скаутов; беседы обращения и приказы Старшего Русского Скаута; песни и стихотворения русских скаутов. В предисловии к Сборнику — перечень двадцати стран, где были организованы русские скауты в изгнании, «Всюду русская молодежь, мальчики и девочки, юноши и девушки вступали в наши ряды и радостно

шли за нашими скаутскими знаменами Святого Георгия...» Добавим к этим словам, что у национальной организации Русских Скаутов с давних лет девиз: За Россию! Будь готов! В уставе Русских Скаутов (НОРС) сказано, что эта организация состоит под благословением святой православной Церкви, и почитает своим небесным покровителем святого Великомученика Георгия Победоносца.

● Русская скаутская дружина «Нижний Новгород» в Лос-Анжелосе (США) приобрела автобус, предназначенный для поездки дружины на юбилейный лагерь русских разведчиков по случаю 60-летия организации. Средства на приобретение были собраны разведчиками, славившими Христа на Святках.

● Национальная Организация Русских Скаутов — НОРС в Австралии с успехом провела свой 16-й лагерь имени И. А. Крылова, в горной местности Стэнвел Топе. В 22 палатках жило 156 скаутов. Лагерем руководили скаутмастер Н. Гиллов и помощник скаут-мастера А. Морозов. Был устроен и лагерный праздник со спортивной и художественной программой на лагерной площадке. Перед программой было совершено богослужение.

● Организация российских православных разведчиков в Чикаго (США) устроила и в этом году детский летний лагерь от 29.6. по 15. 8. 1969. Лагерь находился в епархиальном имении «Владимирова», приблизительно в 100 милях на северо-запад от Чикаго. Начальником лагеря старший инструктор Сергей Шаховской. Разговорный язык в лагере был исключительно русский.

● Аргентинский округ Национальной Организации Витязей отмечает в этом году 15-летие своего Алексеевского лагеря в Ля Больса.

● Летом и весной с. г. Национальная Организация Витязей устроила для русских детей и молодежи три больших лагеря. В истекшем году трехцветный флаг развевался в Голобох Горах в Австралии в Св. Серафимовском лагере, в Андах Аргентинского Округа, во французских Альпах и в скиту около Храма-Памятника на могилах русских солдат великой войны 1914-18 гг. в Мурмелоне, в Шампани. Организация делает все от нее зависящее и ей доступное, чтобы жизнь, обстановка и воспитательная часть в лагерях которые называются «РУСЬ», соответствовали этому имени в духе, традициях и быту. Дабы укрепить религиозное влияние на детей и сознательное отношение у молодежи, в главном лагере Организации — «во Франции» — была построена постоянная церковь, а в других лагерях всегда строятся походные, временные. Кроме этого, Организация заботится и о материальном благоустройстве летнего лагеря и проводит разнообразную программу.

● Объединение Молодежи Витязей выпускает журнал «Витязь» для русской молодежи религиозно-национального направления. Объединение Друзей Витязей Парижского Округа выпускает журнал «Костер» с разнообразными сведениями по родноведению для русского зарубежного юношества. Бельгийский Округ издает журнал «Искра» с интересными историческими обзорами. Австралийский Округ издает живой и содержательный листок «Вести Витязей», приспособленный для юного читателя. Центр НОВ издает «У Витязей» — хронику жизни, и «Белый Крест» — статьи педагогического характера. Кроме того издательством Центра были выпущены за 1968-69 гг. повесть А. А. Арсеньева «На Граниях Московской России» и сборник «Чудотворные иконы Божьей Ма-

тери», составленный З. Е. Залеской. Издательская деятельность Организации охватывает, таким образом, круг читателей и в разных странах, где нет отделов Н. О. В.

● Успенская женская обитель в Сант-Яго (Чили) на собранные среди русских средства недавно приобрела в собственности небольшой участок с домом в прекрасной местности в 23-х километрах от Сант-Яго. В этом доме помещен и детский приют имени св. прав. Иоанна Кронштадтского. В приюте воспитываются под руководством монахини Иулианы 19 девочек-сирот, в большинстве дети из смешанных браков. Число детей постоянно увеличивается. При монастыре организуется средняя школа, в которой преподавание будет вестись на русском языке. Начальные классы уже открыты и в них учатся 90 детей. Для полного оборудования школы необходимо приобрести ряд учебных пособий, оборудовать физико-химический кабинет, приобрести учебники и т. д. На все это нужны средства, которых у обители нет. Начальница обители монахиня Ксения просит направлять пожертвования, предназначенные на это дело, по адресу:

Convento Ruso, Casilla 14493, Correo 15, Santiago, Chile.

● В Монреале (Канада) работают две организации русской молодежи: «Студенческое христианское общество» и «Владимирский кружок». Оба общества поставили себе целью духовное воспитание молодежи. Устраиваются доклады приезжих и местных лекторов на философско-религиозные темы, проводятся дискуссии, устраиваются 2-3 раза в год съезды-встречи с родственными организациями Канады и США. Интересна практика занятий во «Владимирском кружке»: руководитель семинара дает участникам темы, по которым они должны высказать свое мнение. Эти ответы совместно обсуждаются и руководитель дает свое заключение.

● В Кройдоне (Австралия) 25 девушек и юношей, членов «Национальной Организации Витязей» и скаутской дружины «Дружба», успешно окончили курсы «Первой медицинской помощи». Выпускные экзамены происходили под руководством доктора Н. П. Протопопова в доме «Братства Святого Креста».

● Группа русской молодежи в Сиднее (Австралия), под руководством Александра Каменова, поставила фильм «История Чудотворной иконы Курской Божьей Матери». Кроме артистов И. А. и С. В. Каменевых и Д. Кобелева, в постановке участвовала русская молодежь. В музыкальном оформлении выступили музыканты А. Погодин, П. Морозов, Н. Глубоков, А. Мельдер, В. Сидоренко, а также хор св. Петропавловского собора под управлением Е. Подгайского. Впервые фильм был показан в прицерковном зале в Стратфильде.

● По инициативе главы «Братства Св. Креста» архиепископа Саввы, приступлено к осуществлению проекта постройки на монастырской земле в Кентлине (Австралия) поселка для престарелых. Начат сбор средств. При содействии строительного департамента будет получена государственная финансовая поддержка, которая составит 2/3 строительной сметы.

● В 1967 году Толстовский Фонд перенял в Аргентине благотворительную деятельность Всемирного Совета Церквей, опекавшего 8 нуждающихся русских семей. С тех пор работа Т. Ф. в Аргентине многократно увеличилась и распространяется, например, и на 4 колонии старообрядцев, с общим числом более

400 семей. Т. Ф. строит вблизи Буенос-Айреса старческий дом-больницу для хронических больных, нуждающихся в постоянном уходе. В новом доме будет 60 кроватей. Бесплатная медицинская помощь Т. Ф. заключается в выдаче лекарств, очков, ортопедических аппаратов, помещении в больницы и санатории и т. д.

● Организация «КРФИ», бывший канадский отдел «Толстовского Фонда», и в этом году организовала летний лагерь для русских детей от 8 до 15 лет. Лагерь прекрасно оборудован в живописной местности вблизи Роудона (Канада). В предыдущие лагеря съезжались ежегодно около 50 детей.

● Православный Богословский Институт в Париже устроил в сотрудничестве с Экуменическим Институтом при Всемирном Совете Церквей с 30 марта по 13 апреля с. г. семинар о православном богословии. Участники семинара — около 40 человек — прослушали цикл лекций о православном понимании богословия.

● Во время крещенской службы в св. Петропавловском соборе в Сиднее (Австралия) на площади перед собором была сооружена необычная для Австралии Иордань с большим ледяным крестом.

● Комитет по защите Новодивеевской обители выступил 13 февраля в Олбани (США) на заседании объединенной комиссии штата Нью-Йорк, Сената и Ассамблеи. Члены Комитета Епископ Рокландский, протопресвитер Георгий Граббе, священник Вильям Иши, свещ. Ефрем де Сочию, О. Родзянко и П. Пенкрат привели Комиссии ряд доводов против расширения аэродрома Ромапо за счет Новодивеевской обители.

● «Общество помощи русским православным обителям на Св. Земле» в Мельбурне (Австралия) в годовом отчете за 1968 г. указало сумму в 1946,32 доллара, поступившую в Кассу общества. Из этой суммы в течение года было переведено: 1135,67 архимандриту Димитрию, начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме; 330, — игуменье Тамаре, настоятельнице Елеонского монастыря; 230, — матушке Марии для Вифанской общины; 51, — М. А. Антонову — секретарю «Компаний помощи русским православным учреждениям на Св. Земле».

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А. Желнин
Перепечатка разрешается,
но с указанием источника.

Адрес редакции:
SARUBESCHIE
8 München 86
Postfach 860327
Bundesrepublik Deutschland

Банковский счёт № 30 / 90 246
Банк: Neuvians, Reuschel & Co.
8 München 80, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „ISKRA“, München 12, Parkstr. 7, Rgb.